

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

ДЖОН
ГРИШЭМ

Никто в Америке не пишет лучше Джона Гришэма!
«Washington Post»

БРОКЕР

Бестселлеры Джона Гришэма

Джон Гришэм

Брокер

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Гришэм Д.

Брокер / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2005 — (Бестселлеры Джона Гришэма)

ISBN 978-5-17-078384-7

Джоэла Бэкмана сдали. И теперь спецслужбы с интересом следят, которая из чужих разведок доберется до него первой. Он владеет опасной информацией, и коды доступа к сверхсовременной системе спутникового шпионажа могут стоить жизни. Помощи ждать неоткуда. Тот, кто знает слишком много, всегда становится мишенью. Удастся ли ему остаться в живых?...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-078384-7

© Гришэм Д., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джон Гришэм
Брокер
Роман

John Grisham

The broker

© Belfry Holdings, Inc, 2005

© Перевод. А. А. Файнгар, наследники, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Глава 1

Заключительные часы своего президентства, которому наверняка суждено вызвать еще меньший интерес историков, чем даже пребывание в этой должности Уильяма Генри Гаррисона¹ (тридцать один день от инаугурации до кончины), Артур Морган проводил в Овальном кабинете в обществе единственного оставшегося у него друга и размышлял о последних решениях, которые предстояло принять. В эту минуту ему казалось, что в течение четырех лет он все делал не так, но был не вполне уверен, сумеет ли за считанные часы хоть чуточку что-то подправить. Его друг тоже не был в этом убежден, хотя, по обыкновению, говорил мало и лишь то, что президент хотел услышать.

Они говорили о помилованиях – отчаянных просьбах воров, растратчиков и лжецов, сидевших за решеткой или сумевших этого избежать, но мечтавших восстановить доброе имя и драгоценные права. Все они называли себя друзьями, или друзьями друзей, или искренними сторонниками, хотя мало кто из них имел возможность выразить президенту симпатии до этих последних минут. Как ни печально, четыре бурных года руководства свободным миром свелись к жалкой стопке прошений кучки мошенников. Кому из жуликов разрешить снова заняться любимым делом? Этот вопрос вопросов стоял перед президентом в его последние часы в Белом доме.

Означенным другом был Криц, старый товарищ по студенческому братству в Корнеллском университете, когда Морган возглавлял студенческое самоуправление, а Криц содействовал ему возле избирательных урн. На протяжении истекающего четырехлетия Криц в разное время занимал должности пресс-секретаря, руководителя аппарата Белого дома, советника по национальной безопасности и даже государственного секретаря, хотя на последней должности он продержался всего три месяца и был спешно отозван, поскольку его уникальный дипломатический дар едва не привел к Третьей мировой войне. Последнее назначение Криц получил в октябре прошлого года, в безумные недели отчаянных усилий Моргана добиться переизбрания. Криц возглавил его предвыборную кампанию, когда опросы показывали серьезное отставание президента по меньшей мере в сорока штатах, и сумел восстановить против Моргана остальные, кроме разве что Аляски.

Эти выборы достойны называться историческими – никогда прежде действующий президент не получал столь ничтожного количества голосов избирателей. Если говорить точно, всего три, и все три – от Аляски, единственного штата, который Морган вопреки совету Крица не посетил в ходе избирательной кампании. Пятьсот тридцать пять голосов получил соперник и три – президент Морган. Слово «обвал» даже отдаленно не отражало масштаба разразившейся катастрофы.

Когда голоса были подсчитаны, соперник, следуя чьему-то глупому совету, решил оспорить результаты выборов в штате Аляска. «Почему бы не получить все пятьсот тридцать восемь голосов?» – рассуждал он. Никогда еще кандидату в президенты не подворачивался шанс разгромить соперника с рекордным сухим счетом. В течение шести недель президент вынужден был испытывать новые страдания, пока в Аляске продолжались судебные тяжбы. Когда Верховный суд в конце концов вручил ему три голоса выборщиков от этого штата, Морган с Крицем откупили бутылку шампанского.

Президент Морган возлюбил Аляску, хотя утвержденные результаты голосования в этом штате дали ему ничтожный перевес – всего в семнадцать голосов.

Ему следовало воздержаться от посещения гораздо большего числа штатов.

---

¹ У. Г. Гаррисон (1773–1841) – девятый президент США, простудился во время инаугурации 4 марта 1841 г. и умер от воспаления легких 4 апреля 1841 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Он проиграл даже в Делавэре, своем родном штате, просвещенный электорат которого некогда дал ему возможность провести восемь беспечных лет на посту губернатора. И точно так же, как он не нашел времени для поездки на Аляску, его соперник полностью проигнорировал Делавэр – не создал там группу поддержки, не разместил рекламу на местном телевидении и не заглянул туда даже проездом. И все же получил 52 процента голосов!

Криц расположился в глубоком кожаном кресле, держа на коленях список сотни дел, которые надо было завершить безотлагательно. Он смотрел, как президент переходит от одного окна к другому, вглядывается в темноту, размышляя, по всей видимости, о том, что все могло сложиться совсем иначе. Он был угнетен и унижен. В пятьдесят восемь лет жизнь его кончена, карьера – в руинах, брак близок к крушению. Миссис Морган уже вернулась в Уилмингтон и открыто смеялась над перспективой жизни в хижине на Аляске. Криц втайне сомневался в способности своего друга до конца дней жить охотой и рыболовством, хотя перспектива оказаться на расстоянии двух тысяч миль от миссис Морган выглядела более чем привлекательной. Они могли бы победить в штате Небраска, если бы кичливая аристократка первая леди не назвала местную футбольную команду сунерсами².

Сунерсы штата Небраска!

Морган моментально скатился вниз в рейтингах общественного мнения и в Небраске, и в Оклахоме, но подняться так и не сумел.

А в штате Техас она попробовала кусочек знаменитого техасского чили³, и ее тут же прилюдно вырвало. Мадам срочно отправили в больницу, но микрофон успел ухватить ее до сих пор не забытые слова: «Как вы, бедные туземцы, можете брать в рот эту жуткую гадость?»

Небраска дает пять голосов выборщиков. Техас – тридцать четыре. Оскорбление небраской футбольной команды еще можно пережить. Но ни один кандидат не переживет презрительного отзыва о техасском чили.

Ничего себе, избирательная кампания! Крица подмывало написать о ней книгу. Кто-то ведь должен увековечить эту катастрофу.

Их сорокалетние партнерские отношения приближались к концу. Криц наметил себе местечко на 200 000 долларов в год у оборонного подрядчика, да к тому же не исключено было лекционное турне по 50 штук за выступление, если, конечно, найдутся желающие платить и слушать. Посвятив всю жизнь гражданской службе, он сидел без денег, быстро старел и очень хотел как следует заработать.

Президент с большой выгодой продал свой красавец дом в Джорджтауне. Он купил небольшое ранчо на Аляске, где его, по-видимому, любили. Он хотел прожить там до конца дней, занимаясь охотой, рыбалкой и, быть может, сочинением мемуаров. Во всяком случае, ничем, связанным с политикой и Вашингтоном. Он не собирается изображать политического старейшину, почетного председателя партии, мудреца, с высоты своего опыта изрекающего прописные истины. Никаких прощальных поездок, речей на партийных съездах, председательствования в благотворительных или политологических фондах. Никакой президентской библиотеки. Люди высказались громко и недвусмысленно. Если он им не нужен, то и он, разумеется, обойдется без них.

– Нам следует принять решение относительно Кучинелло, – сказал Криц. Президент все еще стоял возле окна, глядя в крошечную тьму и по-прежнему размышляя о Делавэре.

– Кого?

– Фиджи Кучинелло, кинорежиссера, осужденного за соращение юной актрисочки.

– Сколько ей было?

– Кажется, пятнадцать.

---

² Сунерсы («торопыги») – шутивное прозвище жителей штата Оклахома.

³ Имеется в виду популярное в Техасе мексиканское блюдо их мяса, фасоли и перца чили.

– Слишком мало.

– Да уж. Он слинял в Аргентину, где живет уже десять лет. Умирает от ностальгии, хочет вернуться и снова снимать свои поганые фильмы. Он говорит, искусство зовет его домой.

– Скорее молоденькие девочки.

– И они тоже.

– Если бы хоть семнадцать, я бы согласился. Но пятнадцать...

– Он предлагает пять миллионов долларов.

Президент повернулся к Крицу:

– Он предлагает за помилование пять миллионов?

– Да, и торопит. Деньги должны быть переведены телеграфом из Швейцарии. Сейчас там три часа утра.

– Куда переведены?

– У нас есть офшорные счета. Это несложно.

– А что пресса?

– Сорвется с цепи.

– Как положено.

– Но на этот раз особенно яростно.

– А мне плевать на прессу, – сказал Морган.

«Тогда зачем спрашивать?» – хотелось спросить Крицу.

– Деньги можно будет отследить? – поинтересовался президент, отворачиваясь к окну.

– Нет.

Президент начал правой рукой почесывать затылок и шею – он всегда так делал, когда надо было принять трудное решение. За десять минут до того как едва не нанес ядерный удар по Северной Корее, он до крови расцарапал себе шею и перепачкал кровью воротник белой рубашки.

– Мой ответ – нет, – сказал он. – Пятнадцать – это уж слишком.

Без стука открылась дверь, и в кабинет ввалился Арти Морган, президентский сынок, с банкой пива «Хайнекен» в одной руке и какими-то бумагами в другой.

– Только что звонили из ЦРУ, – бросил он небрежно. На нем были выцветшие джинсы и ботинки на босу ногу. – К нам едет Мейнард. – Он бросил бумаги на письменный стол и вышел, довольно громко хлопнув дверью.

Арти взял бы эти пять миллионов не задумываясь, размышлял Криц, пятнадцать лет или не пятнадцать. Для него это совсем не так уж мало. Они могли победить в Канзасе, если бы Арти не застучали в мотеле Топики с тремя старшеклассницами, старшей из которых едва исполнилось семнадцать. Склонный к позерству, прокурор в конце концов снял обвинение – через два дня после выборов, – когда все три девушки дали подписку, что сексом с Арти не занимались. Они, честно говоря, пришли именно ради этого и уже успели раздеться, когда в комнату ворвалась мать одной из девочек.

Президент расположился в кожаном кресле-качалке и сделал вид, что просматривает какие-то бумаги, теперь уже никому не нужные.

– А что в последнее время говорят о Бэкмане?

За восемнадцать лет работы директором ЦРУ Тедди Мейнард и десяти раз не был в Белом доме. Никогда там не обедал (всегда отказывался от приглашений, ссылаясь на нездоровье) и ни разу не приходил туда ради того, чтобы поздороваться с какой-нибудь заезжей знаменитостью (ему было на них плевать). Раньше, когда он еще передвигался на своих двоих, он изредка заглядывал в Белый дом, чтобы посоветоваться с тем, кто в тот момент был президентом, или с кем-то из его советников. Теперь, будучи прикован к инвалидной коляске, он переговаривался с Белым домом по телефону. Дважды к нему в Лэнгли приезжал вице-президент.

Единственное преимущество пребывания в инвалидной коляске состояло в том, что оно служило прекрасным предлогом для визитов только туда, куда ему хотелось, и занятия только тем, что сулило удовольствие. Никому в голову не приходило гонять старого инвалида.

Отдав пятьдесят лет шпионажу, он теперь мог позволить себе роскошь во время передвижений смотреть не вперед, а в буквальном смысле назад. Мейнард ездил в белом фургоне без опознавательных знаков – пуленепробиваемые стекла, бронированные дверцы, два вооруженных с головы до ног охранника за спиной и хорошо вооруженный водитель, – его коляску устанавливали через заднюю дверцу лицом назад, поэтому Тедди все видел, но его не видел никто. Еще два фургона следовали сзади на некотором расстоянии, и любая попытка пристроиться к директорскому фургону решительно и быстро пресекалась. Да таких попыток в общем-то и не было. Весь мир был убежден, что Тедди Мейнард давно умер или завершает жизненный путь в каком-нибудь тайном доме престарелых, куда отправляют умирать бывших шпионов.

Тедди себе ничего другого и не желал.

Он сидел, закутавшись в толстое стеганое одеяло, а заботился о нем Хоби, его верный помощник. Пока фургон двигался по вашингтонской кольцевой дороге с постоянной скоростью шестьдесят миль в час, Тедди потягивал зеленый чай, который подливал ему из термоса Хоби, и наблюдал за шедшими позади машинами. Хоби сидел рядом с коляской шефа на специально для него изготовленном кожаном стульчике.

Отпив очередной глоток, Тедди спросил:

- Где сейчас Бэкман?
- В камере, – сказал Хоби.
- А наши люди у начальника тюрьмы?
- Сидят у него в кабинете и ждут.

Еще глоток из бумажного стаканчика, тщательно поддерживаемого обеими руками. Руки хрупкие, с набухшими старческими венами цвета снятого молока, как будто бы они давно умерли и теперь терпеливо ждали, когда их примеру последуют остальные части тела.

- Сколько нужно времени, чтобы вывезти его из страны?
- Часа четыре.
- План в действии?
- Все готовы. Ждут зеленого сигнала.
- Надеюсь, этот болван со мной согласится.

Этот болван и Криц сидели, уставившись в стены Овального кабинета, и гнетущая тишина лишь изредка прерывалась каким-нибудь замечанием о Джоэле Бэкмане. Надо было о чем-то говорить, поскольку ни тому, ни другому не хотелось упоминать, что на самом деле занимало их мысли.

Неужели это случилось?

Неужели это конец?

Сорок лет. От Корнеллского университета до Овального кабинета. Все закончилось настолько внезапно, что они не успели как следует подготовиться. Они были уверены: у них есть еще четыре года. Четыре прекрасных года для приведения в порядок всех дел, и только потом – щемящий душу закат.

Хотя было поздно, им казалось, что за окнами становится все темнее и темнее. Квадраты окон, смотревшие на Розовый сад, были черным-черны. Часы над камином начали чуть ли не физически ошутимый последний отсчет времени.

- Что сделает пресса, если я помилую Бэкмана? – уже не в первый раз спросил президент.
- Взовьется как безумная.
- Это может даже оказаться забавным.
- Вас здесь уже не будет.

– Тем более. – После передачи власти завтра в полдень он исчезнет из Вашингтона на частном самолете нефтяной компании, который доставит его на виллу старого друга на острове Барбадос. По распоряжению Моргана телевизионщиков на виллу не пустят, не будет и корреспондентов газет и журналов, а все телефонные шнуры выдернут из розеток. Он не станет поддерживать связей ни с кем, даже с Крицем, и тем более с миссис Морган – по крайней мере в течение месяца. А Вашингтон пусть горит синим пламенем. В глубине души он надеялся, что так все и будет.

После Барбадоса он прошмыгнет в свою хижину на Аляске и по-прежнему не будет замечать внешний мир, во всяком случае, до прихода весны.

– Следует ли нам его помиловать? – спросил президент.

– Возможно, – сказал Криц.

Президент предпочел местоимение *нам*, он всегда так делал, когда предстояло принять потенциально непопулярное решение. В легких случаях говорилось *я* или *мне*. Если ему требовалась поддержка, если приходилось сваливать на кого-нибудь вину, он, приступая к процессу принятия решения, подключал Крица.

Криц сорок лет брал вину на себя и давно к этому привык, хотя ему это уже изрядно обрыдло.

– Весьма вероятно, мы не сидели бы сейчас здесь, если бы не Джоэл Бэкман.

– Возможно, ты прав, – сказал президент. Он всегда утверждал, что стал президентом благодаря блистательной предвыборной кампании, личной харизме, необыкновенной способности схватывать суть проблем и ясному видению будущего Америки. Признать в конце концов, что он обязан избранием Джоэлу Бэкману, было нелегко.

Но Криц проявил бессердечие или просто слишком устал. Его самого такое признание ничуть не шокировало.

Шесть лет назад бэкмановский скандал буквально захлестнул Вашингтон, замарав попутно и Белый дом. Над популярным президентом сгустились тучи, и перед Артуром Морганом расчистилась дорожка, по которой он проковылял до Белого дома.

Теперь, когда настало время ковылять в обратном направлении, он лелеял мечту о впечатляющей пощечине вашингтонскому истеблишменту, который все четыре года его игнорировал. Поблажка Джоэлу Бэкману сотрясет стены всех учреждений в округе Колумбия, а прессу приведет в ярость. Моргану нравилась эта идея. Пока он будет греться на барбадосском солнышке, столица снова закипит, конгрессмены потребуют расследования, прокуроры начнут изгаляться перед камерами, а занудные говорящие головы – нескончаемо болтать на всех телеканалах.

Президент улыбнулся, глядя в темноту.

На Арлингтонском мемориальном мосту через Потомак Хоби в очередной раз подлил зеленого чая в бумажный стаканчик.

– Спасибо, – тихо проговорил Тедди. – Что наш приятель будет делать завтра, когда покинет Белый дом?

– Исчезнет из Штатов.

– Мог бы и пораньше.

– Он собирается провести месяц на Карибах, зализывая раны, повернувшись к миру спиной, дуясь на весь свет и ожидая, когда кто-нибудь вспомнит о нем.

– А миссис Морган?

– Она уже в Делавэре, играет в бридж.

– Они разводятся?

– Если у него хватит ума. Впрочем, кто знает?

Тедди аккуратно отпил глоток.

– Есть ли у нас рычаги воздействия, если Морган заартачится?

– Не думаю, что он заартачится. Предварительный разговор прошел довольно гладко. Похоже, Криц на нашей стороне. Он сейчас гораздо лучше, чем Морган, понимает ситуацию. Криц отдает себе отчет в том, что если бы не бэкмановский скандал, им бы не видать Овального кабинета.

– И все же есть на что надавить, если он заупрямится?

– По правде говоря, нет. Он идиот, но чистенький.

Они свернули с авеню Конституции на Восемнадцатую улицу и вскоре уже въезжали в восточные ворота Белого дома. Из темноты возникли люди с автоматами, фургон окружили агенты секретной службы в черных пальто. Были названы пароли, запищали радиотелефоны, и через несколько минут Тедди вместе с коляской выгрузили из машины. Внутри помещения беглый осмотр инвалидной коляски не выявил ничего, кроме укутанного в одеяло беспомощного старика.

Арти, на этот раз без «Хайнекена», но снова без стука заглянул в кабинет и объявил:

– Мейнард явился.

– Выходит, он еще жив.

– Едва-едва.

– Тогда кати его сюда.

Хоби и Придди, заместитель Тедди, вошли вслед за коляской в Овальный кабинет. Президент и Криц поздоровались с ними и предложили гостям устроиться возле камина. Если Тедди избегал Белого дома, то Придди был здесь практически завсегда, он каждое утро снабжал президента разведывательной информацией.

Расположившись, Тедди оглядел комнату, словно надеясь увидеть «жучки» или иные подслушивающие устройства. Он был почти уверен, что их тут нет, этим играм пришел конец после Уотергейта. Никсон протянул по Белому дому столько проводов, что их хватило бы на небольшой городок, но, как известно, ему это дорого обошлось. Однако Тедди явился во всеоружии. Над осью его инвалидной коляски был аккуратно запрятан мощный магнитофон, который не упустит в ближайшие тридцать минут ни единого звука.

Он попытался улыбнуться президенту Моргану, хотя желал сказать ему нечто вроде: «Без сомнения, ты самый недалекий политик, с которым мне довелось иметь дело. Только в Америке такой болван, как ты, мог взобраться на самый верх».

Президент Морган улыбнулся Тедди Мейнарду, хотя ему хотелось сказать нечто вроде: «Мне надо было уволить тебя четыре года назад. От твоего ЦРУ нашей стране одни неприятности».

Тедди:

– Меня крайне удивило, что ты выиграл в одном штате, правда, с перевесом всего лишь в семнадцать голосов.

Морган:

– Ты не способен найти террориста, даже если его рожа будет маячить на всех рекламных щитах.

Тедди:

– Удачной рыбалки. Форелей поймаешь еще меньше, чем голосов.

Морган:

– И чего ты не умер, хотя мне все это гарантировали?

Тедди:

– Президенты приходят и уходят, а я остаюсь.

Морган:

– Это Криц предложил тебя оставить. Скажи ему спасибо. Я хотел отправить тебя в отставку через две недели после инаугурации.

– Кому-нибудь кофе? – спросил Криц.

Тедди отказался, вслед за ним отказались Хоби и Придди. И поскольку ЦРУ отклонило кофе, президент Морган сказал:

– Да, черный, два куска сахара.

Криц кивнул секретарше, возникшей из-за приоткрытой боковой двери, а затем повернулся к собравшимся:

– У нас совсем немного времени.

– Я здесь, чтобы поговорить о Джоэле Бэкмане, – сказал Мейнард.

– Да-да. Потому вы и здесь, – подтвердил президент.

– Как вам известно, – продолжал Тедди, словно не замечая президента, – мистер Бэкман сел за решетку, не сказав ни единого слова. Он по-прежнему хранит секреты, способные, говоря откровенно, скомпрометировать систему нашей национальной безопасности.

– Вы не можете его убить! – выпалил Криц.

– Мы не имеем права поднимать руку на американских граждан, мистер Криц. Это запрещено законом. Мы бы предпочли, чтобы это сделал кто-то другой.

– Не понимаю, о чем вы, – сказал президент.

– План такой. Если вы помилите Бэкмана и он примет наши условия, то мы за несколько часов вывезем его из страны. Ему придется скрываться до конца дней. Он согласится, потому что несколько человек хотят его прикончить, и он это знает. Мы поселим его за границей, скорее всего в Европе, где за ним легче присматривать. Он будет жить под чужим именем, станет свободным человеком, и со временем все забудут о Джоэле Бэкмане.

– Но это не конец, правда? – спросил Криц.

– Нет. Мы выждем около года, а затем устроим, где нужно, утечку информации. И люди, о которых я говорил, найдут и убьют его, а когда это произойдет, мы получим ответы на многие вопросы.

Последовала долгая пауза. Тедди посмотрел на Крица, затем на президента. Убедившись, что оба в замешательстве, он продолжил:

– План очень простой, джентльмены. Вопрос в том, кто его убьет.

– А вы будете наблюдать? – спросил Криц.

– Самым внимательным образом.

– Кто хочет его убить? – спросил президент.

Тедди разжал и снова сжал расчерченные венами руки, затем взглянул вниз, на кончик довольно длинного носа – так учитель смотрит на несмышленного третьеклассника.

– Или русские, или китайцы, а то и израильтяне. Могут найтись и другие.

Конечно, были и другие, но никто и не рассчитывал, что Тедди выложит все, что знает. Он этого никогда не делал и не сделает, независимо от того, кто являлся президентом и сколько времени ему оставалось провести в Овальном кабинете. Они приходят и уходят, одни на четыре года, другие на восемь. Кого-то занимал шпионаж, кого-то – только результаты последнего опроса общественного мнения. Морган мало что понимал во внешней политике, и в истекающие часы его правления Тедди не собирался говорить ему больше того, что требовалось для помилования.

– С какой стати Бэкман пойдет на эту сделку? – спросил Криц.

– Быть может, и откажется, – сказал Тедди. – Но он уже шесть лет находится в одиночном заключении. Двадцать три часа в сутки в крошечной камере. Один час на воздухе. Душ три раза в неделю. Плохая еда – говорят, он похудел на двадцать с лишним килограммов. Я слышал, что он неважно себя чувствует.

Два месяца назад, после обвала на выборах, Тедди Мейнард разработал план, связанный с помилованием, и подергал некоторые из своих многочисленных ниточек, чтобы заключение Бэкмана стало еще невыносимее. Температуру в камере снизили до десяти градусов, и у Бэкмана появился сильный кашель. Еда, и без того безвкусная, разогревалась повторно или подавалась холодной. Вода в бачке туалета почти все время протекала. Охранники будили его посреди ночи. Право пользования телефоном резко ограничили. Библиотека юридической литературы, которой он пользовался два раза в неделю, внезапно закрылась. Бэкман, будучи адвокатом, хорошо знал свои права и угрожал всяческими судебными тяжбами против администрации тюрьмы и правительства, хотя жалобу пока не подал. Но схватка назревала. Он требовал снотворные таблетки и прозак.

– Вы хотите, чтобы я помиловал Джоэла Бэкмана, а сами организуете его убийство? – спросил президент.

– Да, – без обиняков сказал Тедди. – Только мы не будем это организовывать.

– Но оно случится.

– Да.

– И его смерть будет отвечать высшим интересам национальной безопасности?

– Я в этом твердо убежден.

Глава 2

Тюремное крыло федерального исправительного учреждения в Радли располагает сорока одинаковыми камерами площадью полтора квадратных метра, без окон, без решеток, крашенные зеленые цементные полы, стены из шлакоблоков и массивная стальная дверь с узкой прорезью внизу для подноса с едой и маленьким отверстием для охраны, чтобы время от времени наблюдать за заключенным. Это крыло заполнено правительственными осведомителями, стукачами на наркодельцов, начавшими давать показания мафиози и некоторым количеством шпионов – людьми, которых необходимо изолировать, потому что очень многие мечтают перерезать им глотки. Большинство из сорока обитателей секции предохранительного тюремного заключения сами просили, чтобы их держали в этом крыле.

Джоэл Бэкман пробовал заснуть, когда два охранника с лязгом открыли дверь его камеры и включили свет.

– Вас ждет начальник, – сказал один из них, не пускаясь в какие-либо объяснения.

Все молчали, пока тюремный фургон катил по безжизненной оклахомской прерии мимо корпусов с не столь тщательно охраняемыми заключенными и наконец остановился у административного здания. Бэкмана, почему-то не снимая с него наручников, провели на второй этаж, затем по длинному коридору в просторный кабинет, где горел яркий свет и происходило нечто очень важное. Часы на стене показывали одиннадцать вечера.

Он никогда не видел начальника, что в общем-то было в порядке вещей. Начальник по многим причинам избегал всяческого общения. Он не собирался никуда баллотироваться и мало что объяснял своим подчиненным. В кабинете находились еще трое – мужчины мрачного вида, о чем-то шептавшиеся между собой. Хотя курение в кабинетах правительственных учреждений строжайше запрещалось, пепельница наполнилась окурками, а под потолком висел густой табачный дым.

Никого не представив, начальник сказал:

– Садитесь, мистер Бэкман.

– Рад вас видеть, – сказал Бэкман, разглядывая присутствующих. – В чем дело?

– Сейчас обсудим.

– Не могли бы вы снять с меня наручники? Клянусь, я никого не убью.

Начальник кивнул одному из охранников, который быстро нашел ключ и освободил Бэкмана. После этого он вышел из кабинета, громко хлопнув дверью, чем вызвал неудовольствие начальника, человека крайне нервного.

– Это специальный агент ФБР Эйдер. Это мистер Нейб из министерства юстиции. А это мистер Сайзмор, тоже из Вашингтона.

Никто из троих даже головы не повернул в сторону Бэкмана, который все еще стоял и смотрел на них с недоумением. Он кивнул им, стараясь показаться вежливым. Они никак не отреагировали.

– Пожалуйста, садитесь, – повторил начальник, и Бэкман наконец опустился на стул. – Благодарю вас. Как вам известно, мистер Бэкман, новый президент завтра примет присягу. Президент Морган покидает Белый дом. Сейчас он в Овальном кабинете обдумывает вопрос о вашем помиловании.

У Бэкмана внезапно начался приступ мучительного кашля, вызванного едва ли не арктической температурой в камере и потрясением от слова «помилование».

Нейб из министерства юстиции протянул бутылку воды, которую Бэкман почти осушил одним глотком, облив подбородок и кое-как уняв кашель.

– Помиловании? – с трудом выдавил он.

– Полном помиловании на определенных условиях.

– С какой стати?

– Не знаю, мистер Бэкман, да это и не мое дело. Я просто ставлю вас в известность.

Сайзмор, которого представили как «человека из Вашингтона» без указания ведомства и должности, сказал:

– Речь идет о сделке, мистер Бэкман. Взамен вы должны согласиться покинуть страну, никогда не возвращаться и жить под чужим именем там, где вас никто не найдет.

Это его не смутило. Он и сам не хотел, чтобы его нашли.

– Но почему? – все-таки пробормотал он. Было заметно, как дрожит бутылка в его левой руке.

Сайзмор из Вашингтона, обратив на это внимание, изучающе окинул взглядом Бэкмана – от коротко подстриженных седых волос до потрепанных дешевых кроссовок и черных казенных носков – и невольно вспомнил, как выглядел этот человек когда-то. На память пришла глянцевая журнальная обложка. Яркая фотография Джоэла Бэкмана в элегантном черном итальянском костюме изысканного покроя. Бэкман смотрел в камеру с явным самодовольством. Волосы длиннее и темнее, красивое лицо полнее и глаже, а раздавшаяся талия говорила об обильных ленчах и затяжных, часа на четыре кряду, обедах. Он любил вино, женщин и спортивные автомобили. У него были свой самолет, яхта, собственный дом в курортном городе Вейле, штат Колорадо, – и обо всем этом он охотно рассказывал корреспонденту. Крупный заголовок над его головой вопрошал: «Брокер⁴ – второй по влиятельности человек в Вашингтоне?»

Журнал лежал в портфеле Сайзмора вместе с пухлым досье на Джоэла Бэкмана. Он тщательно изучил то и другое во время перелета из Вашингтона в Талсу, штат Оклахома.

Согласно журнальной статье, годовой доход брокера составлял более десяти миллионов долларов, хотя в разговоре с репортером он наверняка поскромничал. В юридической фирме, которую он основал, работали двести адвокатов – не так уж много по вашингтонским меркам, – но в политических кругах столицы она пользовалась огромным влиянием. Это была лоббистская машина, или скорее даже бордель для богатых компаний и иностранных правительств. Настоящие адвокаты оттачивают свое мастерство совсем не тут.

Как же низко падают сильные мира сего, подумал Сайзмор, глядя на дрожащую бутылку.

– Не понимаю, – прошептал Бэкман.

– А нам некогда объяснять, – сказал Сайзмор. – Дело спешное, мистер Бэкман. Увы, у вас нет времени на размышления. Требуется моментальное решение. Да или нет. Вы хотите остаться здесь или предпочитаете жить под чужим именем в другом конце мира?

– Где?

– Этого мы не знаем, но позже выясним.

– Я буду в безопасности?

– На этот вопрос можете ответить только вы, мистер Бэкман.

Пока он раздумывал над своим же вопросом, дрожь не унималась.

– Когда я выйду отсюда? – медленно проговорил он. Голос Бэкмана начинал обретать прежнюю силу, но очередной приступ кашля заставил его замолчать.

– Немедленно, – ответил Сайзмор, взявший разговор на себя; начальник тюрьмы, представители ФБР и министерства юстиции превратились в зрителей.

– Вы хотите сказать – прямо сейчас?

– В камеру можете не возвращаться.

– Ну и дела, – проговорил Бэкман, и все улыбнулись.

– Возле вашей камеры дежурит охранник, – сказал начальник. – Он принесет все, что вам нужно.

---

⁴ Брокер – прозвище главного героя. Broker – брокер, коммерческий агент, представитель, посредник (англ.).

– Возле моей камеры всегда торчит охранник, – не задумываясь брякнул Бэкман. – Если это вонючий садист Слоун, скажите ему, чтобы взял мою бритву и перерезал себе глотку.

Все промолчали, словно выжидая, пока слова не улетучатся через вентиляционный люк. Но они словно зависли в напряженной тишине кабинета.

Сайзмор откашлялся, перенес тяжесть тела с левой ягодицы на правую и сказал:

– В Овальном кабинете вашего решения ждут несколько джентльменов. Вы согласны на предложенные условия?

– Президент ждет моего решения?

– Можно сказать и так.

– Он мне многим обязан. В Овальном кабинете он попал благодаря мне.

– Сейчас не время говорить об этом, мистер Бэкман, – спокойно сказал Сайзмор.

– Он хочет меня отблагодарить?

– Я не умею читать его мысли.

– То есть вы допускаете, что мысли иногда его посещают?

– Я сейчас позвоню и сообщу, что вы ответили отказом.

– Подождите.

Бэкман допил воду и попросил еще, затем вытер рот рукавом.

– Это нечто вроде программы защиты свидетелей?

– То – официальная программа. Наша не афишируется, мистер Бэкман. Но время от времени нам приходится прятать людей.

– И часто вы их теряете?

– Не слишком часто.

– Не слишком часто? Выходит, гарантий моей безопасности вы не даете?

– Никаких гарантий. Но ваши шансы довольно высоки.

Бэкман перевел взгляд на начальника:

– Сколько мне здесь осталось, Лестер?

Начальник вздрогнул, когда его снова вовлекли в разговор. Никто не называл его Лестером, имя ему не нравилось, и он старался его избегать. Табличка на его письменном столе гласила: *Л. Говард Касс*.

– Четырнадцать лет, и вы могли бы обращаться ко мне «господин начальник».

– Начальник-молчалник. Хорошие шансы на то, что года через три я тут сдохну. Сочетание скверного питания, переохлаждения и плохого медицинского присмотра сделают свое дело. Лестер тут развел тот еще режим, ребята.

– Может быть, вернемся к делу? – предложил Сайзмор.

– Конечно, я принимаю условия, – сказал Бэкман. – Какой дурак откажется?

В разговор включился Нейб из министерства юстиции. Он открыл портфель.

– Тогда надо кое-что подписать.

– А на кого вы работаете? – спросил Бэкман у Сайзмора.

– На президента Соединенных Штатов.

– Тогда передайте ему, что я не голосовал за него только потому, что меня сюда упрятали.

Если бы не это, я отдал бы за него свой голос. И еще передайте, что я сказал «спасибо».

– Непременно.

Хоби наполнил еще один стаканчик зеленым чаем, на сей раз без кофеина ввиду позднего часа, и протянул его Тедди, закутанному в одеяло и наблюдавшему за потоком машин позади фургона. Они миновали авеню Конституции, выехали из центра и почти добрались до моста Рузвельта. Старик отпил глоток и сказал:

– Морган слишком глуп, чтобы торговать помилованиями. Однако Криц меня беспокоит.

– Открыт новый счет на острове Невис, в Вест-Индии, – сказал Хоби. – Он возник две недели назад, его открыла какая-то сомнительная компания, которой владеет Флойд Данлэп.

– Кто это такой?

– Один из спонсоров Моргана.

– Почему на острове Невис?

– Это «горячая точка» офшорных операций.

– Мы их отслеживаем?

– Целиком и полностью. Если деньги поступят, это произойдет в следующие сорок восемь часов.

Тедди едва заметно кивнул и посмотрел налево, где виднелся Центр Кеннеди.

– Где Бэкман?

– Выходит из тюрьмы.

Тедди улыбнулся и отхлебнул чаю. Оба молчали, когда фургон въехал на мост, а когда Потомак остался позади, он спросил:

– Кто его прикончит?

– А это важно?

– Нет. Но наблюдать за соперниками будет очень забавно.

В заношенной, но тщательно отутюженной и накрахмаленной военной форме без нашивок и знаков отличия, в надраенных до блеска солдатских ботинках и тяжелой морской ветровке с капюшоном, который он низко натянул на голову, Джоэл Бэкман покинул федеральное исправительное заведение Радли в пять минут первого ночи, на четырнадцать лет раньше срока. Он провел здесь шесть лет в одиночном заключении и вышел за ворота с холщовой сумкой с несколькими книгами и фотографиями. Вышел, даже не оглянувшись.

Ему пятьдесят два года, он разведен, разорен и изрядно забыт двумя из троих своих детей и всеми друзьями, которые у него когда-то были. После первого года заключения никто не стал поддерживать с ним переписку. Старая подруга, одна из бесчисленных секретарш, за которой он гонялся по обитым плюшем кабинетам, писала в течение десяти месяцев, пока в «Вашингтон пост» не появилось сообщение, что, по мнению ФБР, Бэкман вряд ли ограбил свою фирму и ее клиентов на миллионы долларов, о чем ходили упорные слухи. Кому охота поддерживать приятельские отношения с разорившимся законником, угодившим в тюрьму? С богатым – еще может быть.

Мать писала ему время от времени, но ей уже стукнул девяносто один, она жила в недорогом доме для престарелых неподалеку от Окленда, и после каждого письма ему казалось, что оно может оказаться последним. Он писал ей раз в неделю, но сомневался, что она способна что-нибудь читать, и был почти уверен, что у персонала нет ни времени, ни желания читать ей письма вслух. Она всегда писала: «Спасибо за письмо», но никогда не ссылалась на что-нибудь, написанное им. По особым поводам он посылал ей открытки. В одном из писем она призналась, что никто не помнит день ее рождения.

Ботинки были очень тяжелые. Идя по тротуару, он понял, что большую часть последних шести лет провел в носках, без обуви. Смешные мысли приходят в голову, когда вдруг, без предупреждения выходишь на волю. Когда он в последний раз ходил в ботинках? И когда ему удастся от них избавиться?

Он на секунду остановился и посмотрел на небо. Ежедневно в течение часа ему разрешалось ходить по крошечному квадрату газона возле его тюремного крыла. Всегда один, всегда под наблюдением охраны, как будто он, Джоэл Бэкман, бывший адвокат, никогда не державший в руках оружия, может вдруг стать опасным и причинить кому-нибудь вред. «Садик» был огражден четырехметровой сеткой с острой, как бритва, проволокой поверху. За оградой про-

ходил пустой дренажный канал, за ним начиналась бесконечная безлесая прерия, тянущаяся, предполагал он, аж до Техаса.

Сопровождали его Сайзмор и агент Эйдер. Они проводили его до темно-зеленого джипа – с первого взгляда было ясно, что это казенная машина. Джоэл забрался на заднее сиденье и принялся молиться. Он крепко закрыл глаза, стиснул зубы и попросил Бога, чтобы двигатель завелся, колеса закрутились, ворота распахнулись, документы оказались в порядке; пожалуйста, Боже, никаких злых шуток. Пусть это будет не сон, а явь, ну пожалуйста, Боже!

Первым минут через двадцать заговорил Сайзмор:

– Скажите, мистер Бэкман, вы голодны?

Бэкман перестал молиться, по его лицу текли слезы. Машина мчалась, не снижая скорости, но глаз он не открывал. Он лежал на заднем сиденье, безуспешно пытаясь совладать с эмоциями.

– Еще бы, – наконец сказал он, сел и осмотрелся. Они находились на шоссе, миновали зеленый указатель – поворот на Перри. Остановились на стоянке возле закусочной с вывеской «Олады» в трехстах метрах от автострады. В некотором отдалении по шоссе с шумом пронеслись громадные грузовики-дизели. Джоэл секунду смотрел на них и слушал. Снова поднял взгляд к небу и увидел полумесяц.

– Мы спешим? – спросил он Сайзмора, когда они входили в закусочную.

– Все идет по графику, – последовал ответ.

Они расположились за столиком возле окна. Джоэл все время смотрел на шоссе. Он заказал гренки и сок, ничего острого, потому что желудок его слишком привык к простой тюремной еде. Разговор не складывался: правительственные чиновники запрограммированы говорить поменьше и на обычный обмен мнениями просто не способны. Впрочем, Джоэл и не горел желанием выслушивать их мнения.

Он старался не улыбаться. Потом Сайзмор напишет, что Бэкман то и дело посматривал на дверь и пристально наблюдал за другими посетителями. Вид у него был не испуганный, совсем наоборот. По мере того как тянулись минуты и проходил шок, он довольно быстро приспособивался и все более оживлялся. Он съел две порции гренок и выпил четыре чашки черного кофе.

В четыре утра с минутами они въехали в ворота Форт-Саммита, что неподалеку от Бринкли, штат Техас. Бэкмана провели в госпиталь военной базы, там его осмотрели два медика. Если не считать простуды, кашля и общего истощения, он оказался в приличной форме. Затем его провели в ангар к полковнику Гантнеру, который встретил его как лучшего друга. По указанию Гантнера и под его наблюдением Джоэла переодели в зеленый армейский парашютный костюм с фамилией Эрцог, нашитой над правым нагрудным карманом.

– Это я? – спросил Джоэл, ткнув пальцем в фамилию.

– На следующие сорок восемь часов, – объяснил Гантнер.

– Мое звание?

– Майор.

– Неплохо.

В какой-то момент Сайзмор и Эйдер незаметно улизнули, и больше Бэкман их не видел. В первых проблесках утренней зари Джоэл прошел в задний люк грузового самолета «С-130» и вслед за Гантнером поднялся наверх, в маленький отсек с койками, где готовились к полету шестеро солдат.

– Занимайте эту койку, – сказал Гантнер, указав на второй ярус.

– Могу я спросить, куда мы летим? – прошептал Джоэл.

– Спросить можете, но ответить я не могу.

– Просто любопытно.

- Скажу перед посадкой.
- Когда это будет?
- Через четырнадцать часов.

Иллюминаторов, отвлекающих внимание, не было, поэтому Бэкман расположился на койке, натянул на голову одеяло и к моменту взлета уже похрапывал.

Глава 3

Криц поспал несколько часов, а из дома вышел задолго до неразберихи, связанной с инаугурацией. Еще на рассвете их с женой доставили в Лондон на одном из частных самолетов его нового работодателя. Он собирался провести здесь две недели, потом вернуться и впрячься в работу в столице в качестве нового лоббиста, чтобы вести старые как мир игры. Ему было противно даже думать об этом. В течение многих лет он наблюдал, как отставные чиновники переходят на другую сторону барьера и начинают выкручивать руки бывшим коллегам, продавая их души тем, у кого полно денег и кто готов платить за влияние, которое у этих бывших еще оставалось. На редкость мерзостный бизнес. Криц устал от политических игрищ, но, увы, ни в чем другом не разобрался.

Он произнесет несколько речей, может быть, напишет книгу и несколько лет постарается держаться на виду в надежде, что кто-нибудь о нем вспомнит. Но Криц знал, как быстро забываются в Вашингтоне люди, некогда стоявшие у власти.

Президент Морган и директор Мейнард согласились в течение двадцати четырех часов придержать информацию о помиловании Бэкмана, даже после инаугурации. Моргану было все равно, он уже улетел на Барбадос. Но Криц не чувствовал себя связанным каким-либо соглашением, особенно с таким типом, как Тедди Мейнард. После затянувшегося обеда, обильно сдобренного вином, он около двух часов ночи позвонил вашингтонскому корреспонденту Си-би-эс и рассказал о помиловании Бэкмана. Как он и предполагал, Си-би-эс обнародовала информацию в утреннем выпуске новостей и сплетен, и еще до восьми часов эта весть разнеслась по Вашингтону.

Джоэл Бэкман получил полное помилование без всяких условий в последний час пребывания президента в должности!

Никаких деталей не сообщалось. В последний раз Бэкман упоминался в прессе, когда его отправили в исправительное заведение максимальной степени безопасности в штате Оклахома.

В Вашингтоне, городе, где у всех нервы и так на взводе, день начался с сообщения о помиловании, которое на равных конкурировало с первым днем пребывания в Белом доме нового президента.

Разорившаяся адвокатская контора Пратта и Боллинга теперь располагалась на Массачусетс-авеню, в четырех кварталах к северу от Дюпон-серкл; место неплохое, но не идущее ни в какое сравнение с роскошным помещением на НьюЙорк-авеню. Несколькоими годами ранее, когда контору возглавлял Бэкман – она именовалась тогда «Бэкман, Пратт и Боллинг», – он настоял на том, чтобы, оплачивая самую дорогую в городе аренду, он мог стоять у окна во всю стену своего кабинета на восьмом этаже и смотреть сверху вниз на Белый дом.

Теперь Белый дом не просматривался; вокруг не было никаких зданий, воплощающих власть, – только трехэтажные, а отнюдь не восьмиэтажные дома. И сама контора резко уменьшилась в размерах, из двухсот высокооплачиваемых адвокатов осталось всего двадцать, которым приходилось теперь отчаянно бороться за свои места. Первое банкротство, условно именуемое в конторе «Бэкман-I», заставило фирму сжаться раз в десять, но чудесным образом уберегло партнеров от тюрьмы. «Бэкман-II» явилось результатом ожесточенной внутренней борьбы и сутяжничества среди уцелевших. Конкуренты фирмы любили повторять, что Пратт и Боллинг уделяют больше времени внутренним тяжбам, чем отстаиванию интересов клиентов.

Но в эти ранние утренние часы конкуренты вели себя тихо. Джоэл Бэкман вышел на свободу. Брокер отпущен на все четыре стороны. Вернется ли он? И вообще вернется ли в Вашингтон? Насколько все это соответствует действительности? Весьма сомнительно.

Ким Боллинг в данный момент изолирован в антиалкогольной клинике, оттуда его на много лет отправят прямиком в частную психиатрическую больницу. Невыносимое напряжение последних шести лет довело его до роковой черты, откуда нет возврата. Поэтому новую катастрофу, которая грозила фирме в связи с возвращением Бэкмана, предстояло предотвратить Карлу Пратту.

Именно Карл Пратт произнес роковое «согласен» двадцать два года назад, когда Бэкман предложил слить две их маленькие фирмы. Именно Пратт на протяжении шестнадцати лет всеми силами набивал себе карманы за спиной Бэкмана, по мере того как фирма расширялась, гонорары текли рекой, а все этические нормы затушевывались. Именно Пратт каждую неделю схлестывался со своим партнером, но с течением времени начал получать все большее удовольствие от плодов, которые приносил их общий успех.

И именно Карл Пратт очень близко подошел к тому, чтобы стать жертвой судебного преследования со стороны федерального правительства как раз накануне того, как Бэкман героически взял все на себя. Признание Бэкманом вины и сделка, согласно которой от преследования избавлялись другие их партнеры, стоило фирме штрафа в размере десяти миллионов долларов, что и привело к первому банкротству – «Бэкман-1».

Но банкротство лучше тюрьмы, чуть ли не каждодневно напоминал себе Пратт. В это утро он слонялся по своему просторному кабинету, бормоча что-то и стараясь уговорить себя, что эта новость – вранье. Он остановился у маленького окна, уставился на соседнее здание из серого кирпича и в который уже раз задал себе вопрос: как такое могло случиться? Как сумел разорившийся, лишенный права заниматься адвокатской практикой, опозоренный адвокат-лоббист убедить уходящего президента помиловать его в последнюю минуту?

Когда Джоэла Бэкмана отправили в тюрьму, он был, наверное, самым знаменитым преступником из белых воротничков во всей Америке. Все жаждали увидеть, как он будет болтаться на виселице.

Но, должен был признаться себе Пратт, если кто-нибудь в мире и был способен на такое чудо, как помилование, то это, конечно, Джоэл Бэкман.

Пратт несколько минут просидел за телефоном, связываясь с обширной сетью вашингтонских сплетников и всезнаек. Старый друг, тоже чудом удержавшийся в одном из министерств при четырех президентах – по два от каждой из двух партий, – наконец подтвердил, что это правда.

– Где он? – быстро спросил Пратт, словно Бэкман мог в любую минуту воскреснуть и появиться в Вашингтоне.

– Этого никто не знает, – последовал ответ.

Пратт запер дверь на ключ, даже не пытаясь бороться с искушением открыть представительскую бутылку водки. Ему было сорок девять, когда его партнера упрятали в тюрьму на двадцать лет без права досрочного освобождения, и он нередко размышлял о том, что станет делать в шестьдесят девять, когда Бэкман выйдет на свободу.

В эту минуту ему казалось, что его обжулили на четырнадцать лет.

В зал суда набилось столько народу, что судья отложил слушание на два часа, пока не удалось кое-как разрешить проблему сидячих мест, которые достались далеко не каждому. Каждое сколько-нибудь значительное средство информации требовало места, пусть и стоячего. Крупные чиновники министерства юстиции, ФБР, Пентагона, ЦРУ, Агентства национальной безопасности, Белого дома и Капитолийского холма настаивали на предоставлении им места, доказывая, что их высшие интересы будут соблюдены только в том случае, если они будут свидетелями линчевания Джоэла Бэкмана. Когда подсудимый в конце концов появился в зале суда, публика сразу же словно онемела, и слышался только звук стеногиста судебного репортера.

Бэкмана подвели к столу защиты, и его кольцом окружила плотная стена адвокатов, словно с галереи в любую минуту могли раздаться выстрелы. Вообще говоря, это не было бы слишком уж удивительно, хотя меры безопасности могли соперничать с теми, что принимаются для охраны президента. В первом ряду прямо перед столом защиты сидели Карл Пратт и еще дюжина партнеров или, точнее, без пяти минут бывших партнеров Бэкмана. Их обыскали особо тщательно – и неспроста. Они пылали гневом к этому человеку, но все же были на его стороне. Ведь если бы признание им вины сорвалось из-за какой-нибудь неувязки в последнюю секунду, они сами стали бы очередной добычей правосудия и очень быстро начались бы весьма неприятные для них судебные процессы.

По крайней мере они сидели в первом ряду вместе с публикой, а не за столом защиты, куда обычно сажают мошенников. И пока были живы. Восемью днями ранее Джейси Хаббард, один из самых высокооплачиваемых партнеров, был найден мертвым на Арлингтонском национальном кладбище – он якобы покончил с собой, во что мало кто поверил. Хаббард в течение двадцати четырех лет был сенатором от Техаса и отказался от места в сенате с единственной, хотя и не объявленной целью предложить свои услуги и немалые связи тому, кто заплатит наивысшую цену. Разумеется, Джоэл Бэкман не мог позволить такой крупной рыбе улизнуть из его сетей, поэтому он и остальные партнеры наняли Хаббарда за миллион долларов в год; еще бы – старина Джейси чуть ли не ногой открывал дверь Овального кабинета.

Смерть Хаббарда чудесным образом открыла Джоэлу Бэкману глаза на правительственную точку зрения. И если раньше он не соглашался признать вину, то теперь не только согласился на двадцатилетний срок, но и хотел, чтобы приговор вынесли как можно скорее. Он жаждал попасть под защиту тюремных стен!

Правительственным обвинителем был высокопоставленный прокурор из министерства юстиции, и перед такой престижной и значимой публикой он, конечно же, не мог не предаться самолюбованию. Он просто был не в состоянии ограничиться одним словом, когда можно было произнести три. Он оказался на сцене – редкий эпизод в его унылой карьере, – и на него смотрела вся страна. С убийственной помпезностью он начал зачитывать обвинительное заключение, и быстро стало очевидным, что никаким актерским даром он не обладает и совершенно не улавливает драматизма момента. Через восемь минут его глуповатого монолога судья, сонно глядя сквозь свисавшие с носа очки для чтения, сказал:

– Вы не могли бы читать побыстрее, сэр, и, если можно, не так громко.

Обвинение включало восемнадцать пунктов, перечислялись предполагаемые преступления – от шпионажа до государственной измены. После их оглашения Джоэл Бэкман оказался очернен до такой степени, что вполне мог соперничать с Гитлером. Его адвокат немедленно напомнил суду и всем присутствующим, что пока ничего из обвинения не доказано и это просто изложение позиции одной стороны в деле – предвзятой правительственной точки зрения. Он заявил, что его клиент готов признать себя виновным по четырем пунктам из восемнадцати, прежде всего в незаконном хранении документов оборонного значения. Судья затем зачитал длинное соглашение о признании вины, и в течение двадцати минут никто не проронил ни слова. Возмущенные происходящим, художники в первом ряду делали наброски этой сцены, и их рисунки были очень мало похожи на фигурантов процесса.

В заднем ряду, скрывшись среди незнакомых людей, сидел Нил, старший сын Джоэла. В тот момент он еще оставался одним из совладельцев фирмы «Бэкман, Пратт и Боллинг». Пока оставался. Он следил за происходящим в состоянии шока, не в силах поверить, что его некогда всемогущий отец согласился признать себя виновным и скоро его поглотит федеральная тюремная система.

Подсудимого провели к судье. Он стоял с гордо поднятой головой и смотрел судье прямо в глаза. Адвокаты что-то нашептывали ему с обеих сторон, и он признал себя виновным по

четырем пунктам. Затем Бэкмана провели обратно на его место. Он избегал встречаться глазами с кем-либо из публики.

Дата вынесения приговора была назначена на следующий месяц. Когда на Бэкмана нацепили наручники и увели, всем присутствующим стало ясно, что никаких секретов они от него не дождутся, ибо его надолго упрячут за решетку и все тайны потеряют актуальность. Толпа начала медленно редеть. Репортеры не получили и половины того, на что рассчитывали. Большие министерские чиновники уходили молча – одни радовались, что секреты остались секретами, другие негодовали из-за того, что преступление так и останется нераскрытым. Карл Пратт и другие сидевшие как на иголках партнеры поспешили в ближайший бар.

Первый репортер позвонил в контору незадолго до девяти утра. Пратт успел предупредить секретаршу, что такие звонки весьма вероятны. Она должна была всем говорить, что шеф надолго занят в суде по какому-то затяжному делу и может еще очень долго не появиться на работе. Вскоре телефонные линии совсем заклинило, и рабочий день, обещавший оказаться плодотворным, пошел насмарку. Все адвокаты и прочие служащие побросали дела и только и перешептывались о процессе Бэкмана. Некоторые не могли оторвать взгляда от входной двери, словно ожидая, что призрак бывшего коллеги в любую минуту явится за ними.

Запершись в одиночестве, Пратт потягивал «Кровавую Мэри» и следил за нескончаемым потоком новостей на телеэкране. К счастью, на Филиппинах взяли в заложники автобус с датскими туристами, иначе Бэкман был бы главной темой. Но он занимал твердое второе место, и на экране возникали всевозможные эксперты. Их скоренько припудривали, усаживали перед камерой в свете софитов, и они бойко рассуждали о мифических прегрешениях Бэкмана.

Бывший шеф Пентагона назвал помилование «потенциальной угрозой национальной безопасности». Отставной федеральный судья, который выглядел на все свои девяносто с лишним лет, вполне предсказуемо окрестил помилование «выкидышем правосудия». Новоиспеченный сенатор от Вермонта, признав, что ему мало известно о скандале, охотно появился в прямом эфире и заявил, что потребует всестороннего расследования. Неназванный сотрудник Белого дома сказал, что нового президента глубоко встревожило это помилование и он намерен вернуться к этому вопросу, что бы за решением его предшественника ни стояло.

И так без конца. Пратт смешал еще одну «Кровавую Мэри».

Требуя крови, некий корреспондент – а не просто репортер – раскопал материал о Джейси Хаббарде, и Пратт потянулся к пульта. Он прибавил громкость, когда на экране появилась фотография Хаббарда. Бывший сенатор был найден с простреленной головой за неделю до признания Бэкманом вины. То, что сначала выглядело как самоубийство, впоследствии стало казаться сомнительным, хотя подозреваемых не обнаружили. На пистолете, по всей видимости краденом, никаких следов. Хаббард увлекался охотой, но пистолетом никогда не пользовался. Вскрытие показало высокую концентрацию алкоголя и барбитуратов в крови. Алкоголь был легко предсказуем, но к снотворному Хаббард никогда не прибегал. За несколько часов до смерти его видели в одном из баров Джорджтауна в обществе красивой молодой женщины, что тоже было в порядке вещей.

Главная версия следствия сводилась к тому, что эта дама подсыпала Хаббарду снадобье, которое отключило его сознание, а затем передала несчастного убийцам. Его отвезли в дальний угол Арлингтонского национального кладбища и прикончили выстрелом в голову. А затем положили на могилу брата, героя вьетнамской войны, удостоенного многих наград. Эффектный ход, хотя те, кто хорошо знал Хаббарда, утверждали, что он почти ничего не рассказывал о своей семье, а про брата многие вообще слышали впервые.

Невысказанная версия заключалась в том, что Хаббарда убили те же люди, которые охотились за Джоэлом Бэкманом. И еще многие годы Карл Пратт и Ким Боллинг платили большие деньги профессиональным телохранителям – они боялись, что их имена значатся в том

же списке. По-видимому, они там не значились. Детали роковой сделки, в результате которой Бэкман попал в тюрьму, а Хаббард погиб, умерли вместе с ними, и со временем Пратт отказался от телохранителей, хотя всегда носил при себе «ругер».

В это время Бэкман был далеко и с каждой минутой удалялся все дальше. Любопытно, что он тоже размышлял о Джейси Хаббарде и людях, которые его убили. Времени для размышлений у него было предостаточно. Четырнадцать часов на откидной койке в шумном грузовом самолете притупили бы чувства любого нормального человека, но на Бэкмана, только что вышедшего из тюрьмы после шестилетнего заключения в одиночной камере, полет действовал стимулирующе.

Кто бы ни убил Джейси Хаббарда, эти люди с неменьшим удовольствием прикончат и его, Джоэла Бэкмана, и, трясаясь на высоте десять тысяч метров, он задавал себе множество очень серьезных вопросов. Кто добивался его освобождения?

Где его намерены упрятать? И с кем ему теперь придется иметь дело?

Хорошенькие вопросы в самом деле. Меньше двадцати четырех часов назад он спрашивал себя: «Меня хотят уморить голодом? Заморозить? Свести с ума в полтораметровой клетке? Увижу ли я когда-нибудь своих внуков? И хочу ли я этого?»

Новые вопросы нравились ему больше, чем старые, сколь бы тревожащими они ни были. По крайней мере он сможет ходить по улицам, дышать воздухом, наслаждаться солнцем и, быть может, заходить иногда в кафе и с удовольствием потягивать ароматный кофе.

У него когда-то был клиент, богатый импортер кокаина, который попал в сети Управления по борьбе с наркотиками. Клиент был настолько ценный, что федеральные власти предложили ему начать новую жизнь под новым именем, с новым лицом, если он согласится дать информацию о колумбийцах. Он дал нужную информацию и после пластической операции начал новую жизнь в северной части Чикаго, где открыл небольшой книжный магазин. Через несколько лет Джоэл заглянул к нему и увидел, что бывший клиент отпустил острую бородку, покуривает трубку и выглядит человеком необычайно интеллигентным и вполне земным. У него появились новая жена и трое приемных детишек, а колумбийцы его так и не нашли.

Все-таки мир велик. Спрятаться не так уж трудно.

Джоэл закрыл глаза и, прислушиваясь к ровному гулу четырех двигателей, говорил себе, что, куда бы его ни увезли, он не будет существовать как беглый каторжник. Он адаптируется, он выживет, он не станет жить в вечном страхе.

На койках под ним двое солдат рассказывали какие-то истории о своих девочках. Бэкман вспомнил Мо, мафиози-осведомителя, что последние четыре года занимал соседнюю с ним камеру и двадцать четыре часа в сутки был единственной живой душой, с кем он мог перебраться словом. Самого Мо он не видел, но они могли слышать друг друга через вентиляционные люки. Сосед Джоэла не скучал по семье, соседям, еде, выпивке или лучам солнца. Он говорил только о сексе. Он рассказывал длинные запутанные истории о своих похождениях. Он шутил, и это были самые грязные шутки, какие Джоэлу только доводилось слышать. Он даже писал стихи о своих подружках, оргиях и сексуальных фантазиях.

По этому человеку и его историям Джоэл уж точно скучать не будет.

Незаметно он вновь задремал.

Он проснулся от того, что полковник Гантнер тряс его за плечо и шептал на ухо:

– Майор Эрцог! Майор Эрцог! Нам надо поговорить.

Бэкман соскочил с койки и прошел вслед за полковником по темному тесному проходу между койками в маленький отсек неподалеку от кабины пилотов.

– Садитесь, – сказал Гантнер.

Они расположились за крохотным металлическим столиком.

Гантнер держал в руках досье.

– Вот в чем дело, – начал он. – Посадка через час. План такой: мы скажем, что вы больны, настолько больны, что к самолету подадут санитарную машину из госпиталя военной базы. Итальянские власти, по обыкновению, быстро просмотрят документы, но могут захотеть и взглянуть на вас. А может, и нет. Мы будем на территории базы, солдаты постоянно отбывают и прибывают. У меня ваш паспорт. Разговаривать с итальянцами буду я, а затем машина доставит вас в госпиталь.

– С итальянцами?

– Да. Когда-нибудь слышали о базе ВВС «Авиано»?

– Нет.

– Я так и думал. Она в наших руках с сорок пятого года, когда мы вышибли оттуда немцев. Это на северо-востоке Италии, неподалеку от Альп.

– Звучит привлекательно.

– Так и есть, но все же это военная база.

– Сколько я там проторчу?

– Это вне моей компетенции. Моя задача – доставить вас с самолета в госпиталь. Там вами займется кто-то другой. Просмотрите биографию майора Эрцога. Может пригодиться.

В течение нескольких минут Джоэл читал вымышленную биографию майора Эрцога и запоминал данные фальшивого паспорта.

– Помните, вы очень больны и принимали снотворное, – сказал Гантнер. – Притворитесь, что вы без сознания.

– Я находился без сознания в течение шести лет.

– Хотите кофе?

– Сколько будет времени там, где мы сядем?

Гантнер посмотрел на часы и быстро произвел подсчет:

– Около часа ночи.

– С удовольствием выпил бы кофе.

Гантнер протянул ему бумажный стаканчик, термос и исчез.

Когда Джоэл осушил второй стаканчик, шум двигателей стал стихать. Он вернулся на свою койку и попытался еще чуточку вздремнуть.

Когда «С-130» замер, завершив посадку, санитарная машина военной базы подкатила вплотную к заднему люку. Полусонные солдаты спустились на летное поле. Носилки с майором Эрцогом выкатили из самолета и аккуратно установили в санитарную машину. Итальянский чиновник сидел в американском военном джипе, равнодушно наблюдая за происходящим и не желая мерзнуть на воздухе. Санитарная машина неспешно отъехала, через пять минут майора Эрцога доставили в небольшой военный госпиталь и пронесли на носилках в крошечную комнату на втором этаже, у двери которой тут же выставили пост военной полиции.

Глава 4

К счастью для Бэкмана, хотя он не мог об этом знать и это его ничуть не касалось, в последний час пребывания в Белом доме президент Морган помиловал также и пожилого миллиардера, который избежал тюрьмы, скрывшись за границей. Этот миллиардер, иммигрант из какой-то славянской страны, решил десятилетия назад изменить имя и выбрал себе титул граф Монго. Новоявленный граф пожертвовал кучу денег на избирательную кампанию Моргану. Когда выяснилось, что он всю жизнь уклонялся от уплаты налогов, общим достоянием стала еще и новость о том, что он несколько вечеров провел в Линкольновской спальне Белого дома, где они с президентом за поздней рюмкой обсуждали обвинения, которые ему должны были предъявить. По словам третьего лица, принимавшего участие в вечеринке, молоденькой шлюшке, которая ныне является пятой по счету женой графа, президент обещал использовать все свое влияние на налоговое управление и отозвать цепных псов правосудия. Однако этого не случилось. Обвинительное заключение заняло тридцать восемь страниц, но, прежде чем они сошли с принтера, миллиардер без жены номер пять поселился во дворце в Уругвае вместе с будущей женой номер шесть и при этом постоянно раздумывал, как бы ему вернуться на север.

Он хотел вернуться домой, достойно умереть истинным патриотом и быть похороненным на своей ферме в Торобрееде, что неподалеку от Лексингтона, штат Кентукки. Криц взял все на себя, и через несколько минут после помилования Джоэла Бэкмана президент Морган помиловал и графа Монго.

Весть об этом просочилась в печать через сутки – помилования Белый дом по понятным причинам не спешил рекламировать, – и пресса буквально обезумела. Человек, за двадцать лет укравший из бюджета 600 миллионов долларов, мошенник, достойный пожизненного заключения, собирается вернуться домой на собственном громадном лайнере и провести последние дни в непристойной роскоши. История Бэкмана при всей ее сенсационности конкурировала теперь не только с сообщением о похищенных датских туристах, но и с новостями о крупнейшем неплательщике налогов.

И все же Бэкман оставался в центре внимания журналистов. Большая часть утренних газет Восточного побережья поместила фотографию Брокера на первых полосах. Во многих печатались длинные статьи об этом скандале, о признании Бэкманом вины и теперь о его помиловании.

Карл Пратт прочитывал их все в Интернете в просторном захламленном кабинете, который он снимал над гаражом в северо-западной части Вашингтона. Здесь было его укрытие, место, где он мог спрятаться от битв, сотрясавших фирму, от партнеров, которых не хотел видеть. Здесь он мог выпить, и никто бы ему слова не сказал. Мог швырять в угол подвернувшиеся под руку предметы, осыпать проклятиями стены и вообще делать все, что взбредет на ум, – на то оно и убежище.

Досье Бэкмана хранилось в большой картонной коробке в шкафу. Теперь оно лежало перед ним на столе, и впервые за много лет Пратт вознамерился его просмотреть. Он сохранил все – газетные вырезки, фотографии, внутренние документы фирмы, тайные записи, которые делал сам, копию обвинительного заключения, протокол вскрытия Джейси Хаббарда.

Малоприятная история.

В январе 1996 года трое молодых пакистанских ученых-компьютерщиков сделали потрясающее открытие. Работая в душной, тесной квартирке на верхнем этаже многоквартирного дома на окраине Карачи, эта тройка на базе нескольких компьютеров марки «Хьюлетт-Паккард», приобретенных через Интернет на правительственную субсидию сделали «суперкомпьютер». Затем связали его с высокотехнологичным военным спутниковым телефоном,

который им тоже предоставило правительство. Вся операция держалась в секрете и финансировалась военными по неофициальным каналам. У них была простая цель: найти и попытаться проникнуть в системы нового индийского спутника-шпиона, парившего над Пакистаном на высоте триста миль. Если бы им это удалось, они смогли бы взять под контроль индийские разведывательные операции. Была и другая мечта – попробовать манипулировать этим спутником-шпионом.

Похищенные разведанные сначала вызвали восторг, но очень скоро выяснилось, что они совершенно бесполезны. Новый индийский «глаз» делал то же самое, что делал старый в течение десятка лет, – тысячи фотоснимков одних и тех же военных объектов. Пакистанские спутники посылали на землю снимки индийских военных баз и передвижения войск на протяжении тех же десяти лет. Обе страны могли бы просто обмениваться этими фотографиями и не узнать ничего нового.

Но случайно был обнаружен еще один спутник, затем второй и третий. Они были не индийскими, не пакистанскими и не должны были оказаться там, где их засекли, – в трехстах милях над землей, и двигались они на северо-северо-восток на расстоянии четырехсот миль один от другого. В течение десяти дней пришедшие в сильное волнение хакеры отслеживали по крайней мере шесть разных спутников, по всей видимости, составлявших некую единую систему. Спутники медленно дрейфовали со стороны Аравийского полуострова, пролетали над Пакистаном и Афганистаном и удалялись в направлении западного Китая.

О своем открытии компьютерщики никому не сказали ни слова, но выбили у военных еще более мощный спутниковый телефон, утверждая, что он им необходим для завершения наблюдения за индийским спутником. За месяц методического круглосуточного отслеживания они обнаружили глобальную паутину из девяти одинаковых спутников, связанных между собой и устроенных так, чтобы оставаться невидимыми для всех, кроме тех, кто их сконструировал и запустил на орбиту.

Эту группу спутников они назвали «Нептун».

Три молодых кудесника получили образование в Соединенных Штатах. Главным у них был Сафи Мирза, бывший научный сотрудник Стэнфордского университета, недолгое время работавший в «Бридин корпорейшн», специализирующейся на спутниковых системах, – это оборонный подрядчик сомнительной репутации. Фейзал Шариф получил ученую степень в Технологическом институте Джорджии.

Третий, самый молодой член группы, занявшейся «Нептуном», Фарук Хан в конце концов создал компьютерную программу, которая обеспечила проникновение в первый обнаруженный спутник. Взломав систему, Фарук начал скачивать данные такой важности, что он сам и Фейзал с Сафи сразу поняли: они попали на опасную территорию. Им удалось получить четкие цветные снимки лагерей подготовки террористов в Афганистане и даже правительственных лимузинов в Пекине. Спутники из группы «Нептун» могли слушать переговоры китайских пилотов на высоте десять тысяч метров, наблюдать за подозрительными рыбацкими лодками на причале в Йемене. Было отслежено передвижение бронированного автомобиля, скорее всего Кастро, по улицам Гаваны. Всех троих шокировали видеокадры, на которых был ясно виден Арафат – он вышел из своего дома в Газе в какой-то проулок, закурил сигарету и помочился.

На протяжении двух бессонных суток все трое скопировали данные, добытые спутниками, пока они пролетали над Пакистаном. Программа была англоязычной, и, учитывая, что спутники «Нептуна» занимались Средним Востоком, Азией и Китаем, легко было предположить, что они принадлежат американцам и с гораздо меньшей вероятностью – Англии или Израилю. Быть может, это была совместная тайная операция Соединенных Штатов и Израиля.

По истечении двух суток хакеры сбежали из снятой ими квартиры и перебрались в загородный дом одного из друзей в десяти милях от Карачи. Сделанное ими открытие потрясло,

но они, и прежде всего Сафи, хотели пойти на шаг дальше. Сафи был уверен, что этой спутниковой системой можно попробовать манипулировать.

Его первым успехом стало наблюдение за тем, как Фейзал Шариф читает газету. Чтобы скрыть свое местоположение, Фейзал поехал на автобусе в центр Карачи, водрузил на голову зеленую шапочку, а на нос – темные очки, купил газету и сел на скамейку в парке неподалеку от уличного перекрестка. Спутник «Нептуна», следуя командам полученного от военных спутникового телефона, нашел Фейзала и дал такое увеличение, что можно было прочесть название газеты и передать изображение в дом, где его товарищи с изумлением и недоверием следили за ним.

Электронно-оптическое изображение, переданное на Землю, отличалось наивысшим разрешением, на которое была способна технология того времени, чуть больше метра, что соответствовало четкости, какую давали американские военные спутники-шпионы, и было вдвое четче, чем лучшие европейские и американские коммерческие спутники.

В течение многих недель и месяцев все трое трудились без устали, создавая программное обеспечение. Многие браковали, но когда наконец им удалось настроить программу, они еще больше изумились возможностям «Нептуна».

Через восемнадцать месяцев после обнаружения группы спутников «Нептун» эта троика получила на четырех дисках «Джэз», по два гигабайта каждый, компьютерную программу, которая увеличивала скорость, с которой «Нептун» не только связывался со своими многочисленными контактами на Земле, но и позволяла ему чинить помехи навигационным, разведывательным и коммуникационным спутникам, находящимся на орбите. Не придумав ничего лучшего, они так и окрестили свою программу – «Глушилка».

Хотя система спутников, названная заговорщиками «Нептун», им не принадлежала, они получили возможность ею управлять, в значительной мере ею манипулировать и даже делать ее бесполезной. Между ними возник жаркий спор. Фейзалом и Сафи овладела алчность, они хотели продать «Глушилку» тому, кто предложит наивысшую цену. Фарук видел в их творении одни неприятности. Он предложил отдать программу пакистанским военным и умыть руки.

В сентябре 1998 года Сафи и Фейзал отправились в Вашингтон и, используя пакистанские контакты, безуспешно пытались связаться с американской военной разведкой. И тогда один приятель рассказал им про Джоэла Бэкмана, человека, перед которым в Вашингтоне открывались любые двери.

Но устроить с ним встречу оказалось делом весьма нелегким. Брокер был важной персоной, связанной с очень важными клиентами, и множество значительных лиц домогались его внимания. Его гонорар за часовую консультацию составлял пять тысяч долларов, и лишь немногие счастливицы удостоивались милости великого человека. Сафи одолжил две тысячи долларов у дядюшки из Чикаго и обещал заплатить Бэкману остальную сумму в течение девяти дней. Документы, представленные впоследствии суду, свидетельствовали, что их первая встреча состоялась 24 октября 1998 года в адвокатской конторе Бэкмана, Пратта и Боллинга. В конце концов эта встреча поломала жизнь всех, кто принял в ней участие.

Сначала Бэкман отнесся к «Глушилке» и ее невероятным возможностям с изрядным скептицизмом. Или же, не исключено, он сразу же оценил ее потенциал и решил перехитрить своих новых клиентов. Сафи и Фейзал мечтали продать «Глушилку» Пентагону за большие деньги, что бы ни думал об их продукте мистер Бэкман. Но если кто-нибудь в Вашингтоне и мог получить за «Глушилку» громадные деньги, то только Джоэл Бэкман.

Он сразу же привлек Джейси Хаббарда, своего сотрудника ценой миллион долларов, который по-прежнему раз в неделю играл в гольф с президентом и ходил по барам с самыми большими людьми на Капитолийском холме. Это была яркая, экспансивная и вздорная личность, трижды разведенная и питающая слабость к дорогому виски – особенно если за него платили клиенты. Его политическую выживаемость можно было объяснить только тем, что он

был знаменит самыми грязными приемами в истории выборов в американский сенат, что само по себе совсем немало. У него была репутация антисемита, и на протяжении своей карьеры он поддерживал тесные связи с саудовцами. Очень тесные. Одно из многих расследований проблемы сенатской этики обнаружило пожертвование в миллион долларов на его избирательную кампанию со стороны саудовского принца, того самого, с которым Хаббард катался на лыжах в Австрии.

Сначала у Хаббарда и Бэкмана возникли разногласия по поводу наилучшего покупателя для «Глушилки». Хаббард хотел продать ее саудовцам, которые, по его мнению, охотно выложили бы за нее миллиард долларов. Бэкман придерживался довольно провинциальной точки зрения, которая сводилась к тому, что этот опасный продукт должен остаться дома. Хаббард был убежден, что может заключить с саудовцами сделку, согласно которой те возьмут на себя обязательство никогда не использовать «Глушилку» против Соединенных Штатов, их номинального союзника. Бэкман боялся израильтян – их могущественных друзей в Соединенных Штатах, их военных и прежде всего тайных шпионских организаций.

В то время Бэкман, Пратт и Боллинг представляли много зарубежных компаний и правительств. Фактически их фирма служила своего рода явочной квартирой для всех, ищущих в Вашингтоне мощную пробивную силу. Заплатите сумасшедший гонорар – и вы получите все, что вам нужно. В длинном списке их клиентов значились японская сталелитейная промышленность, правительство Южной Кореи, Саудовская Аравия, большинство подставных банков на Карибах, нынешний режим в Панаме, боливийский сельскохозяйственный кооператив, не выращивавший ничего, кроме кокаиновых кустов, и так далее. Было много вполне легитимных клиентов и много, мягко выражаясь, весьма и весьма сомнительных.

Слухи о «Глушилке» медленно растекались по кабинетам. Потенциально «Глушилка» могла принести самый большой гонорар в истории фирмы, хотя в этой истории значились гонорары, способные поразить воображение. Шли недели, разные партнеры предлагали разные сценарии маркетинга «Глушилки». Мысль о патриотизме постепенно отодвигалась на задний план – просто речь шла ну о слишком уж больших деньгах! Фирма представляла голландскую компанию, которая поставляла авиационное оборудование китайским военно-воздушным силам. Появилась возможность выгодной сделки с правительством в Пекине. Южнокорейцы чувствовали бы себя гораздо спокойнее, если бы точно знали, что делается у их северного соседа. Сирийцы отдали бы всю свою казну за возможность нейтрализовать системы связи израильских военных. Некий наркокартель выражал желание заплатить миллиарды за шанс отслеживать карательные операции Управления по борьбе с наркотиками.

С каждым днем Джоэл Бэкман и его шайка алчных юристов становились все богаче. В главных кабинетах фирмы говорилось только об этом.

Доктор держался не очень приветливо, он явно не хотел тратить время на нового пациента. Все-таки это военный госпиталь. Не говоря ни слова, он пощупал пульс и измерил кровяное давление, прослушал сердце и легкие, проверил рефлексy, затем ни с того ни с сего заявил:

- Мне кажется, у вас обезвоживание организма.
- Это почему же? – спросил Бэкман.
- Обычная картина после длительных перелетов. Мы поставим вам капельницу. Через двадцать четыре часа будете как огурчик.
- Вы имеете в виду внутривенное вливание?
- Именно так.
- Я не терплю внутривенных уколов.
- Простите?
- Я пока не заикаюсь. Не терплю иголок.
- Мы взяли у вас кровь на анализ.

– Да, но это моя кровь, а не что-то другое. Забудьте об этом, док. Никаких внутривенных вливаний.

– Но ваш организм обезвожен.

– Я этого не ощущаю.

– Доктор – я, и я утверждаю, что ваш организм обезвожен.

– Тогда дайте мне стакан воды.

Через полчаса вошла медсестра с улыбкой во весь рот и горстью таблеток. Джоэл отказался от снотворного, а когда она достала шприц с какой-то жидкостью, спросил:

– Что это?

– Райакс.

– За каким чертом этот ваш райакс?

– Это мускульный релаксант.

– Знаете, так уж вышло, что мои мускулы сейчас абсолютно расслаблены. Я никогда не считал, что с ними что-то не в порядке. Мне никто такого диагноза не ставил. Никто никогда не спрашивал, напряжены ли мои мускулы. Поэтому можете вколоть этот райакс себе в задницу, и мы оба расслабимся и будем счастливы.

Медсестра чуть не выронила шприц. После продолжительной паузы она, едва не лишившись дара речи, невнятно пробормотала, что посоветуется с доктором.

– Вот и отлично. Хотя, честно говоря, следовало бы воткнуть эту иглу в его жирную задницу. Если кому-то и надо расслабиться, то это ему.

Но сестра уже выскочила из комнаты.

В другом здании базы сержант Маколифф застучал по клавиатуре и послал донесение в Пентагон. Оттуда его сразу же переправили в Лэнгли, где сообщение попало к Джулии Джавьер, ветерану службы, которой директор Мейнард поручил курировать дело Бэкмана. Меньше чем через десять минут после инцидента с райаксом мисс Джавьер внимательно прочитала текст на мониторе, мысленно чертыхнулась и побежала наверх.

Тедди Мейнард сидел в конце длинного стола, как обычно, закутанный в одеяло, и читал одно из бесчисленных донесений, что каждый час ложились на его стол.

– Только что поступило сообщение из «Авиано», – сказала мисс Джавьер. – Наш приятель отказался от медикаментов. Отказывается и от уколов, и от таблеток.

– Нельзя ли подсыпать ему чего-нибудь в еду? – тихо спросил Тедди.

– Он отказался от еды.

– Что он говорит?

– Что у него не в порядке желудок.

– Врет, наверное?

– В туалет не просится. Трудно сказать.

– А что он пьет?

– Ему дали стакан воды, но он не стал пить. Говорит, что пьет воду только из запечатанных бутылок. Когда принесли, он тщательно исследовал, не вскрывалась ли пробка.

Тедди отложил доклад, который читал, и протер глаза костяшками пальцев. Первый план состоял в том, чтобы свалить Бэкмана с ног снотворным – внутривенно или обычным уколом, продержат его без сознания пару дней, а затем медленно привести в состояние блаженного умиротворения с помощью новейшего наркотика. После нескольких дней грез начать курс содиума пентотала, этой «сыворотки правды», которая при привлечении опытных специалистов по ведению допроса всегда дает нужные результаты.

Этот первый план был прост и безукоризнен. Второй займет многие месяцы, и его успех отнюдь не гарантирован.

– Он хранит большие секреты, не правда ли? – глубокомысленно произнес Тедди.

– Вне сомнения.

- Но мы давно знали об этом?
- Конечно.

Глава 5

Когда разразился скандал, двое из троих детей Бэкмана от него отвернулись. Старший, Нил, писал отцу не реже двух раз в месяц, хотя в первые дни после приговора письма давались ему с большим трудом.

Двадцатипятилетний Нил был свежее испеченным партнером отцовской фирмы, когда Бэкман оказался за решеткой. Хотя он почти ничего не знал о «Глушилке» и «Нептуне», ФБР все же не спускало с него глаз, а федеральные прокуроры предъявили обвинение и ему.

Джоэл внезапно признал себя виновным главным образом из-за того, что случилось с Джейси Хаббардом, однако принятию этого решения способствовало и преследование сына федеральными властями. В результате судебной сделки все обвинения против Нила были сняты. Когда отец исчез на двадцать лет, Нил был немедленно уволен Карлом Праттом и выдворен из помещения фирмы в сопровождении вооруженных охранников. Само имя Бэкмана стало сущим проклятием, и у Нила не было никакой возможности найти работу в Вашингтоне. Приятель по юридическому факультету, племянник вышедшего в отставку судьи, сделал несколько телефонных звонков, в результате чего Нил оказался в небольшом городке Калпепер, штат Виргиния, получил работу в фирме из пяти человек и был рад, что все так закончилось.

Он всеми силами старался оставаться в тени. Подумывал даже о том, чтобы взять другое имя. Наотрез отказывался говорить об отце. Он безукоризненно выполнял работу, писал завещания и оформлял сделки и в общем отлично вписался в рутинное существование маленького городка. Со временем он познакомился с местной девушкой, женился на ней, и они быстро произвели на свет дочку, вторую внучку Джоэла, единственную, чья фотография была у него в тюрьме.

Об освобождении отца Нил прочитал в «Вашингтон пост». Он в деталях обсудил эту новость с женой и лишь в общих чертах – с партнерами фирмы. История могла вызвать нечто похожее на землетрясение в столице, но Калпепера колебания почвы не достигли. Никому до этого, по всей видимости, не было никакого дела. Нил давно уже не воспринимался как сын Брокера, он был просто Бэкманом, одним из многих адвокатов маленького южного городка.

Некий судья после заседания отвел его в сторонку и спросил:

– Интересно, где прячут вашего старика?

На что Нил со всем почтением ответил:

– Эта тема не принадлежит к числу моих любимых, ваша честь.

На том разговор и кончился.

Казалось бы, в Калпепере ничего не изменилось. Нил занимался своими делами в фирме, словно помилован был человек, к которому он не имел никакого отношения. Он ждал телефонного звонка: отец рано или поздно окажется около телефона-автомата и позвонит.

Откликнувшись на неоднократные настойчивые просьбы, старшая сестра пустила шапку по кругу и собрала около трех долларов мелочью. Деньги отдали пациенту, по-прежнему именовавшемуся «майор Эрцог», человеку упрямому и раздражительному, чье состояние явно становилось все хуже по причине голодания. Майор Эрцог взял деньги и направился напрямик к автомату, обнаруженному им на втором этаже, где купил три небольшие упаковки кукурузных хлопьев и две баночки томатного соуса. Все это он проглотил за считанные минуты и час спустя побежал в туалет с острым расстройством желудка.

Но зато пропало острое чувство голода и его не напичкали лекарствами, под воздействием которых он наговорил бы массу лишнего.

Формально он был свободным человеком, получившим помилование, но по-прежнему находился на объекте, принадлежавшем американскому правительству, и обитал в комнатке, ненамного больше, чем его камера в Радли. Там еда была отвратительная, но он хотя бы мог ее есть, не опасаясь, что в нее подмешано снотворное. Теперь он жил на кукурузных хлопьях и содовой. Медсестры были лишь чуточку добрее тюремных охранников, от которых он вдоволь натерпелся. А что касается врачей, то у них на уме была одна только мысль – вырубить по приказу начальства сознание Бэкмана, в чем он не сомневался ни минуты. Где-то поблизости наверняка есть камера пыток, куда его запихнут, как только снотворное сделает свое дело.

Он жаждал выйти на улицу, вдохнуть свежего воздуха и подставить лицо солнцу, жаждал нормального человеческого общения с кем угодно, лишь бы на нем не было военной формы. И через два нескончаемых дня он своего добился.

Молодой человек с непроницаемым лицом появился в его комнате на третий день и мило представился:

– Ну ладно, Бэкман. Хочу вам кое-что предложить. Меня зовут Стеннет.

Он швырнул папку прямо на ноги Бэкману, который лежал на койке и по третьему разу перечитывал какой-то растрепанный журнал. Бэкман раскрыл папку.

– Марко Лаццери?

– Это вы, приятель. Стопроцентный итальянец. Вот свидетельство о рождении и удостоверение личности. И поскорее запомните все, что там написано.

– Запомнить? Я это и прочитывать-то не в состоянии.

– Тогда зазубрите. Мы отбываем через три часа. Вас отвезут в город неподалеку, там вас встретит ваш новый лучший друг, который несколько дней поведет вас за ручку.

– Несколько дней?

– Может, и месяц. Все зависит от того, насколько быстро вы освоитесь.

Джоэл отложил папку и посмотрел на Стеннета.

– На кого вы работаете?

– Если скажу, мне придется вас убить.

– Очень смешно. На ЦРУ?

– На США. Это все, что я могу сказать, а больше вам ничего и не надо знать.

Джоэл взглянул на металлическую оконную раму, наглухо запертую.

– В этой папке я не увидел паспорта.

– Верно. Это потому, что вы никуда не уезжаете, Марко. Вам предстоит тихая, спокойная жизнь. Соседи будут убеждены, что вы родом из Милана и выросли в Канаде, поэтому плохо говорите по-итальянски. Язык придется учить. А если возникнет непреодолимое желание уехать, то знайте: это сопряжено для вас с большими опасностями.

– Опасностями?

– Да будет вам, Марко. Не валяйте дурака. По миру разгуливает немало отвратительных типов, которые очень хотят вас найти. Делайте, что вам говорят, и вас не найдут.

– Я не знаю ни слова по-итальянски.

– Бросьте, конечно, знаете – спагетти, пицца, кафе-латте, браво, опера, мама миа. Научитесь. Чем быстрее и лучше будете учиться, тем в большей безопасности окажетесь. Вам дадут учителя.

– У меня за душой ни цента.

– Слышал. Говорят, ваши деньги искали, но не нашли. – Стеннет вынул из кармана несколько банкнот и положил поверх папки. – Пока вы пребывали в местах не столь отдаленных, Италия отменила лиру и перешла на евро. Тут сотня. Один евро примерно равен доллару. Через час принесу вам одежду. В папке маленький словарик, две сотни самых необходимых итальянских слов. Беритесь-ка за дело.

Спустя час Стеннет принес рубашку, брюки, пиджак, ботинки и носки – все итальянского производства.

- Буон джорно, – сказал он.
- Подите к черту, – огрызнулся Бэкман.
- Как будет автомобиль?
- Машина.
- Bravo, Марко. Пора, нас ждет машина.

За рулем компактного, ничем не примечательного «фиата» сидел неразговорчивый джентльмен. Джоэл кое-как протиснулся на заднее сиденье с холщовой сумкой в руках, где уместилось все его имущество. Стеннет сел впереди. Воздух был сырой и прохладный, землю едва покрывал тонюсенький слой снега. Когда они выехали за ворота военно-воздушной базы «Авиано», Бэкман ощутил первый ветерок свободы, хотя к радостному волнению примешивалось неприятное чувство беспокойства.

Он внимательно следил за дорожными знаками. На переднем сиденье как воды в рот набрали. Они двигались по маршруту 251, двухполосному шоссе, ведущему к югу. По мере приближения к городку Порденоне движение становилось все интенсивнее.

– Сколько жителей в Порденоне? – спросил Бэкман, просто так, чтобы прервать гнетущее молчание.

- Пятьдесят тысяч, – сказал Стеннет.
- Это северная Италия, верно?
- Северо-восточная.
- Альпы далеко?

Стеннет мотнул головой куда-то вправо.

- Миль сорок в сторону. В ясный день видны горы.
- Нельзя ли остановиться и выпить по чашечке кофе? – попросил Бэкман.
- Нет, нам не велено останавливаться.

Водитель все это время оставался глух и нем.

Они обогнули городок по северной окраине и вскоре выехали на дорогу А-28, четырехрядное шоссе, где все, кроме большегрузных трейлеров, похоже, куда-то опаздывали. Маленькие машинки со свистом обгоняли их, тащившихся с жалкой скоростью сто километров в час. Стеннет раскрыл итальянскую газету «Република» и заслониł чуть не половину ветрового стекла.

Джоэл не имел ничего против молчания и разглядывания сельских пейзажей, проносившихся за окном. Равнина казалась очень плодородной, хотя в конце января поля были пусты. Время от времени на холмистых террасах можно было рассмотреть старинные виллы.

Одну такую он когда-то даже снимал. Лет двенадцать назад жена номер два пригрозила его бросить, если он не повезет ее куда-нибудь в длительный отпуск. Джоэл работал по восемьдесят часов в неделю, и времени ему все равно не хватало. Он предпочитал даже ночевать в офисе, и, судя по тому, как шли дела дома, это было разумное решение. Разумеется, развод обошелся бы в изрядную сумму, и Джоэл говорил всем, что они с дражайшей половиной проведут месяц в Тоскане. Он представил все так, что то была его собственная идея, – «месяц превосходного вина и кулинарных изысков в сердце страны кьянти».

Они нашли монастырь XIV века неподалеку от средневековой деревушки Сан-Джиминьяно, с управляющим и поварами и даже шофером с машиной. Но на четвертый день отпуска Джоэлу пришла тревожная телеграмма о том, что комитет по ассигнованиям сената США рассматривает законопроект, согласно которому его оборонные подрядчики-клиенты лишатся двух миллиардов долларов. Он вылетел домой чартерным рейсом и явился на работу, дабы призвать сенат к порядку. Жена номер два осталась в Италии, где, как он выяснил позже, закру-

тила роман с молодым шофером. В течение следующей недели он звонил ежедневно, обещая со дня на день вернуться, дабы продолжить отпуск, а потом она перестала снимать трубку.

Закон об ассигнованиях без сучка и задоринки вернул дела в прежнее состояние.

А месяц спустя жена подала на развод, это был вздорный процесс, который в целом стоил ему три миллиона баксов.

А ведь она была из трех самой любимой. Они все куда-то подевались – навсегда. Первая, мать двоих его детей, после Джоэла дважды выходила замуж, ее нынешний муж разбогател, торгуя жидкими удобрениями в странах третьего мира. Она даже написала ему в тюрьму – прислала жестокую записку, восхвалявшую систему правосудия за то, что она в конце концов разобралась с одним из самых крупных мошенников в истории страны.

Он не мог ее винить. Она упаковала вещички, застукав его с секретаршей, потаскушкой, которая потом стала его женой номер два.

Жена номер три сбежала с корабля вскоре после суда.

Вот такая довольно-таки беспорядочная семейная жизнь. Пятьдесят два года, и что теперь предъявить в качестве итога карьеры, полной скользких клиентов, приставания к секретаршам в кабинете, нажима на мерзейших политиканов, невнимания к троице на удивление твердо стоявшим на ногах детям, выстраивания своего публичного имиджа, потакания своему безграничному эгоизму и погони за деньгами, деньгами и еще раз деньгами? Чем кончилась отчаянная погоня за Великой американской мечтой?

Шесть лет в тюрьме. Теперь ему предстоит жизнь под чужим именем, потому что существование под собственным чревато большими опасностями. И у него всего около сотни долларов в кармане.

Марко? Как он будет смотреть на себя по утрам в зеркало и говорить: «Буон джорно, Марко»?

Но все равно получше, чем «Доброе утро, мистер мошенник».

Стеннет не столько читал газету, сколько сражался с ней. В его пальцах она мялась, хрустела, сгибалась, раздувалась, и время от времени водитель гневно косился на нее.

Указатель возвестил, что до Венеции шестьдесят километров в южном направлении, и Джоэл решил нарушить унылую рутину поездки.

– Я хотел бы пожить в Венеции, если, конечно, Белый дом не будет иметь ничего против.

Водитель вздрогнул, а Стеннет на несколько сантиметров опустил газету. В тесной машине возникло осязаемое напряжение, пока Стеннет наконец не откашлялся и не передернул плечами.

– Простите, – сказал он.

– Мне надо облегчиться, – сказал Джоэл. – Вы уполномочены допустить минутную остановку?

Они остановились к северу от городка Конельяно на вполне современной придорожной станции обслуживания. Стеннет за казенный счет купил всем кофе-эспрессо. Джоэл со своей чашкой подошел к окну и стал смотреть на мчавшиеся по шоссе машины, прислушиваясь, как молодая пара с пулеметной скоростью перебрасывается фразами на итальянском. Он не слышал ни одного из тех двухсот слов, что старался запомнить, получив от Стеннета словарь. Задача представлялась ему неразрешимой.

Стеннет подошел к нему сбоку и тоже принялся следить за шоссе.

– Вы ведь довольно долго жили когда-то в Италии? – спросил он.

– Однажды провел чуть ли не месяц. В Тоскане.

– Неужели? Целый месяц? Приятное времяпрепровождение, должно быть.

– На самом деле я пробыл там всего дня четыре, это моя жена задержалась на месяц. Встретила старых друзей. А вы? Ваше любимое местечко?

– Переезжаю с места на место. – Лицо Стеннета было столь же невыразительно, как и его ответ. Он потягивал кофе из крошечной чашечки. – Конельяно славится своим «просекко».

– Итальянский вариант шампанского, – отметил Джоэл.

– Да. Вы любите иногда выпить?

– Шесть лет во рту не было ни капли.

– В тюрьме не балуют?

– Ни Боже мой.

– А сейчас?

– Все вернется на круги своя. Когда-то алкоголь стал вредной привычкой.

– Нам пора.

– Еще далеко?

– Не очень.

Стеннет направился к двери, но Джоэл его остановил:

– Подождите, я же страшно проголодался. Нельзя ли купить бутерброд на дорогу?

Стеннет оглядел стойку с бисквитами:

– Конечно.

– Лучше бы парочку.

– Нет проблем.

А-27 вела на юг к Тревизо, и когда стало очевидно, что этот город они не объедут стороной, Джоэл решил: путешествие подходит к концу.

– Сколько жителей в Тревизо? – спросил он.

– Восемьдесят пять тысяч, – сказал Стеннет.

– Что вы знаете об этом городе?

– Маленький процветающий городок, за пять столетий почти не изменившийся. Когда-то это был стойкий союзник Венеции – в те времена эти города воевали друг с другом. Во время мировой войны мы его начисто разбомбили. Приятное местечко, и туристов не очень много.

Хорошее место, чтобы спрятаться, подумал Джоэл.

– Здесь я осяду?

– Возможно.

Высокая башня с часами притягивала к себе все уличное движение в центре, где оно завихрялось вокруг площади Деи Синьори. Скутеры и мопеды шныряли между машинами, их водителям, по-видимому, чувство страха было неведомо. Джоэл жадно смотрел на затейливые магазинчики – табачные лавки с газетными стендами, загораживавшими вход, на аптеки с зеленым неоновым крестом, на мясные лавки с окороками всех видов в витринах и, конечно, на крошечные кафе на тротуарах, где все столики были заняты людьми, готовыми сидеть часами, почитывая газеты, сплетничая и потягивая маленькими глотками кофе. Было около одиннадцати утра. Как эти люди зарабатывают на жизнь, если за час до ленча позволяют себе перерыв для кофе?

Эту задачу предстоит решить, подумал он.

Безымянный шофер поставил машину на временную стоянку. Стеннет нажал несколько кнопок на мобильнике, подождал, а затем быстро заговорил по-итальянски. Закончив разговор, он показал сквозь ветровое стекло и сказал:

– Видите то кафе под бело-красным навесом? Кафе «Донати»?

Джоэл подался вперед на заднем сиденье.

– Да, вижу.

– Откройте дверь, пройдите мимо бара с правой стороны в глубину зала, где увидите восемь столиков. Сядьте, закажите кофе и ждите.

– Ждать чего?

– К вам через десять минут подойдет человек. Будете делать то, что он скажет.

– А если не буду?

– Не играйте в свои глупые игры, мистер Бэкман. Мы будем наблюдать.

– Кто этот человек?

– Ваш новый лучший друг. Следуйте его указаниям, тогда, быть может, останетесь в живых. Позвольте себе какую-нибудь глупость – не продержитесь и месяца. – Стеннет сказал это с явным удовлетворением, так, словно ему доставит удовольствие лично прикончить бедного Марко.

– Значит, для нас настала минута сказать друг другу адьюс? – Джоэл взял в руки сумку.

– Арриведерчи, Марко, а не адьюс. Бумаги при вас?

– Да.

– Тогда – арриведерчи.

Джоэл медленно выбрался из машины и зашагал по тротуару. Он боролся с искушением оглянуться и убедиться в том, что его охранник Стеннет не спускает с него глаз, защищая от неизвестности. Он так и не оглянулся. Наоборот, старался производить впечатление нормального прохожего с холщовой сумкой в руках – единственной на тот момент в центре Тревизо.

Конечно, Стеннет за ним следит. А кто еще? Разумеется, его новый лучший друг где-то здесь, прячась за газетой, подает сигналы Стеннету и всем прочим. Джоэл на секунду остановился у табачной лавки и пробежал глазами названия итальянских газет на стенде, хотя, конечно, не понял ни слова. Он остановился просто потому, что мог себе это позволить, потому что был свободным человеком, который имел полное право остановиться где угодно и двигаться дальше, когда ему вздумается.

Он вошел в кафе «Донати», где с ним поздоровался молодой человек, вытиравший стойку бара.

– Буон джорно.

– Буон джорно, – кое-как выдавил Джоэл; это было его первое реальное высказывание на реальном итальянском. Дабы пресечь дальнейший разговор, он не остановился, прошел мимо бара, мимо винтовой лестницы с указателем, что наверху тоже кафе, мимо большого прилавка, полного самых разнообразных и на редкость привлекательных кондитерских изделий. В задней комнате было довольно темно, тесно и буквально нечем дышать от табачного дыма. Он сел за один из двух свободных столиков, игнорируя взгляды, что бросали на него другие посетители. Он испытывал ужас, ожидая, что к нему подойдет официант, что ему придется что-нибудь заказать, что его разоблачат на столь ранней стадии потаенной жизни, и поэтому сидел, низко опустив голову, разглядывая свои новые документы.

– Буон джорно, – сказала молодая женщина из-за его левого плеча.

– Буон джорно, – выдавил Джоэл. И прежде чем она успела предложить ему что-нибудь из меню, попросил: – Эспрессо. – Она улыбнулась, произнесла нечто маловразумительное, на что он твердо ответил: – Нет.

Сработало, она ушла, и для Джоэла то была большая победа. Никто уже не глазел на него как на невежественного иностранца. Когда официантка принесла кофе, он сказал «грацие», очень тихо, и она приветливо улыбнулась. Он медленно потягивал кофе, не зная, на сколько времени ему придется его растянуть, в страхе, что придется опять что-нибудь заказать.

Потоки итальянских слов вихрились вокруг него – тихий нескончаемый разговор друзей, сплетничавших с пулеметной скоростью. Интересно, английский тоже кажется иностранцам стремительным? Сама мысль о том, чтобы овладеть итальянским настолько, чтобы понимать все эти голоса вокруг, казалась абсолютно невероятной. Он заглянул в свой жалкий список из двух сотен слов, а затем отчаянно попытался уловить хотя бы одно из них в устах говоривших.

Мимо прошла официантка и что-то спросила. Он ответил стандартным «нет», и снова это сошло.

Итак, Джоэл потягивал кофе в маленьком баре на улице Верде неподалеку от площади Деи Синьори, в центре Тревизо, в районе Венето северо-восточной Италии, а в федеральном исправительном учреждении в Радли его старые сотоварищи по несчастью оставались за решеткой предохранительной изоляции, получая паршивую еду, водянистый кофе, охраняемые садистами и глупыми правилами, и им оставались многие годы в заключении, прежде чем они могли бы начать мечтать о жизни на воле.

Вопреки первоначальному замыслу Джоэл Бэкман не умрет за решеткой в Радли. Он не исчезнет духовно или телесно. Он обманул своих мучителей на четырнадцать лет и теперь, свободный, сидит за столиком в маленьком кафе в часе езды от Венеции.

Почему он все время вспоминает тюрьму? Потому что нельзя просто так вычеркнуть любые шесть лет жизни, не испытав при этом шока. Вы носите прошлое с собой, каким бы неприятным оно ни было. Ужас тюрьмы сделал внезапное освобождение необычайно сладким. Однако пройдет какое-то время, и он обязательно сосредоточится на настоящем. И к черту будущее.

Прислушайся к звукам вокруг, скороговорке друзей, смеху, шепоту молодого человека по мобильнику, заказу, который хорошенькая официантка передает на кухню. Впитывай запахи – табачного дыма, крепкого кофе, свежей выпечки, радуйся теплу старинной комнатки, где местные жители встречаются на протяжении столетий.

И в сотый раз он задавал себе вопрос: почему он здесь? Почему его вывезли из тюрьмы, а потом из страны? Помилование – одно дело, но стремительная доставка его за границу – совсем другое. Почему ему не вручили нормальные документы, почему не дали возможности распрощаться со старым добрым Радли и зажить собственной жизнью, как это разрешается всем прочим освобождаемым по амнистии преступникам?

Ясное дело – у него не могли не возникнуть подозрения. Он мог довольно точно предположить, в чем дело.

Догадка повергла его в ужас.

Луиджи возник перед ним словно из ниоткуда.

Глава 6

Луиджи, темноволосому молодому человеку с большими печальными глазами и четырехдневной щетиной, было чуть за тридцать. Тяжелая фермерская куртка в сочетании с небритым лицом действительно делала его похожим на крестьянина. Он заказал эспрессо и все время улыбался. Джоэл сразу обратил внимание, что у него чистые руки и ногти и очень ровные зубы. Фермерская куртка и щетина на щеках наверняка были элементом спектакля. Скорее всего Луиджи окончил Гарвард.

Он превосходно говорил по-английски, с легким итальянским акцентом, не оставлявшим сомнения в его итальянском происхождении. Объяснил, что он родом из Милана. Отец-итальянец служил дипломатом и возил за собой жену-американку и двоих детей по всему миру, куда бы ни направляла его родина. Джоэл предположил, что Луиджи о нем многое известно, и он тоже постарался разузнать как можно больше о своем новом наставнике.

Узнать удалось немного. Не женат. Университет – Болонья. Учился в Соединенных Штатах – да, где-то на Среднем Западе. Состоит на правительственной службе. Какого правительства – не уточнил. Он постоянно улыбался и этим уклонялся от вопросов, на которые не хотел отвечать. Джоэл сразу понял, что имеет дело с профессионалом.

– Насколько могу судить, вы кое-что обо мне знаете, – сказал Джоэл.

Улыбка, прекрасные зубы. Когда он улыбается, грустные глаза почти закрыты. Женщины от него наверняка без ума.

– Видел ваше досье.

– Досье? Оно как-то не вяжется со всей этой обстановкой.

– Я видел досье.

– Ладно, сколько лет Джейси Хаббард был американским сенатором?

– Слишком долго, на мой взгляд. Послушайте, Марко, у меня нет никакого желания ворошить прошлое. Нам с вами и без этого есть чем заняться.

– Нельзя ли мне взять другое имя? Меня тошнит от Марко.

– Это был не мой выбор.

– Кто же это решил?

– Не знаю. Не я. Вы задаете кучу ненужных вопросов.

– Я двадцать лет был адвокатом. Старая привычка.

Луиджи допил кофе и положил на стол несколько евро.

– Давайте пройдемся, – предложил он, вставая.

Джоэл взял холщовую сумку и вслед за своим куратором вышел из кафе на боковую улочку, где движение было не столь интенсивным. Они прошли всего несколько шагов, и Луиджи остановился у входа в альберго «Кампеоль».

– Это ваше первое прибежище, – сказал он.

– А что это такое? – спросил Джоэл. Четырехэтажный оштукатуренный дом, втиснувшийся в тесное пространство между двумя другими. Цветные флажки над входом.

– Маленькая приятная гостиница. «Альберго» значит «отель». Можно говорить и «отель», если хотите, но в маленьких городах предпочитают «альберго».

– Какой легкий язык. – Джоэл оглядел улицу, привыкая к новому месту.

– Да уж полегче английского.

– Посмотрим. А на скольких языках вы говорите?

– На пяти или шести.

Они вошли в гостиницу и миновали небольшое фойе. Луиджи уверенно кивнул клерку за стойкой. Джоэл кое-как выдавил довольно членораздельное «буон джорно», но шагу не сбавил в надежде избежать содержательного ответа.

Они поднялись на три лестничных пролета и прошли в конец узкого коридора. У Луиджи оказался при себе ключ от комнаты под номером тридцать, простого, но хорошо обставленного гостиничного номера с окнами на три стороны и видом на канал в некотором отдалении.

– Лучший номер, – сказал Луиджи. – Никаких изысков, но есть все необходимое.

– Вы не видели мою последнюю комнату. – Джоэл швырнул сумку на кровать и раздвинул занавески.

Луиджи отворил дверцу маленького шкафа.

– Смотрите. У вас четыре рубашки, четыре пары брюк, два пиджака, две пары туфель, размер мы выяснили. Теплое шерстяное пальто – в Тревизо бывает довольно холодно.

Джоэл окинул взглядом свой гардероб. Все было развешано в идеальном порядке, отутюжено – бери и надевай. Тона приглушенные, подобранные со вкусом, любую рубашку можно надеть к любому пиджаку и любым брюкам. Наконец он развел руками и сказал:

– Спасибо.

– В выдвижном ящике найдете ремень, носки, нижнее белье – все, что может понадобиться. В ванной все необходимые туалетные принадлежности.

– Что я должен сказать?

– А здесь, на письменном столе, две пары очков. – Луиджи взял одну и поднес к свету. Некрупные квадратные линзы в тонкой черной металлической оправе по европейской моде. – От Армани, – не без гордости пояснил Луиджи.

– Для чтения?

– И да и нет. Предлагаю вам носить их всегда, когда выходите из комнаты. Это часть маскировки, Марко. Часть вашего нового «я».

– Жаль, вы не знакомы со старым.

– Увы, нет. Внешность в Италии – вещь чрезвычайно важная. Особенно для нас, северян. Одежда, очки, прическа – все должно быть в порядке, иначе на вас начнут обращать внимание.

Джоэл внезапно задумался, но тут же решил, что ему это безразлично. Он носил тюремную хламиду дольше, чем ему бы хотелось. В доброе старое время он не задумываясь выкладывал три тысячи долларов за хороший костюм.

Луиджи продолжал инструктаж.

– Никаких шортов, никаких черных носков с белыми брюками, никаких спортивных облегающих штанов из нейлона, никаких маек. И еще: не вздумайте толстеть.

– Как по-итальянски «поцелуйте меня в зад»?

– К этому мы еще придем. Привычки и обычаи очень важны. Ими легко овладеть, и они не лишены приятности. Например, никогда не заказывайте капуччино позже десяти тридцати утра. А вот эспрессо можете пить в любое время суток. Вы это знали?

– Нет.

– Только туристы заказывают капуччино после ленча или обеда. Позор. Молоко на полный желудок. – Луиджи выразительно скривился, словно сдерживая приступ рвоты.

Джоэл поднял вверх правую руку.

– Клянусь никогда этого не делать.

– Садитесь. – Луиджи махнул рукой в сторону небольшого столика с двумя стульями. Они сели, расположились поудобнее, и он продолжил: – Итак, комната. Она зарегистрирована на меня, но служащие поставлены в известность, что здесь несколько недель проведет канадский бизнесмен.

– Несколько недель?

– Да, потом переберетесь в другое место. – Луиджи сказал это довольно-таки зловещим тоном, словно полчища убийц уже прибыли в Тревизо и пустились на поиски Бэкмана. – Начиная с этого момента вы все время будете оставлять следы. Помните: что бы вы ни делали, с кем бы ни встречались – все это оставляемые вами следы. Секрет выживания в том, чтобы

оставлять как можно меньше следов. Поменьше разговаривайте с людьми. Это относится и к портье у входа, и к горничным. Персонал гостиницы наблюдает за постояльцами, у obsługi хорошая память. Месяцев через шесть кто-то заглянет сюда и начнет спрашивать про вас. У него могут быть с собой ваши фотографии. Он может предложить деньги. И портье вдруг вас вспомнит, в том числе и то, что вы почти не говорите по-итальянски.

– У меня вопрос.

– У меня не так уж много ответов.

– Почему я именно здесь? Почему в стране, на языке которой я не говорю? Почему не Англия или Австралия, где мне куда проще было бы затеряться?

– Решение принимали другие, Марко. Не я.

– Я так и подумал.

– Тогда зачем спрашивать?

– Не знаю. Могу я попросить о переводе?

– Еще один нелепый вопрос.

– Плохая шутка, а не нелепый вопрос.

– Мы можем продолжать?

– Да.

– Первые дни я буду водить вас на ленч и обед. Изучим окрестности, каждый раз это будет новое место. Тревизо – милейший город, в нем масса кафе, и мы обойдем все. А вы должны начать думать о том дне, когда меня не будет рядом. Осторожнее заводите знакомства.

– У меня еще один вопрос.

– Да, Марко.

– Это касается денег. Мне не нравится ходить с пустыми карманами. Собираетесь ли вы назначить мне какое-то содержание? Я мог бы мыть вашу машину или выполнять другую поденную работу.

– Что такое содержание?

– Деньги. На карманные расходы.

– О деньгах не беспокойтесь. Пока за все плачу я. С голоду не умрете.

– Неплохо.

Луиджи извлек из глубин куртки мобильный телефон.

– Это вам.

– Кому же я буду звонить?

– Мне, если что-то понадобится. Мой номер на задней крышке.

Джоэл взял телефон и положил на столик.

– Я хочу есть. Все время мечтаю о неспешном ленче с макаронами, вином и десертом, а также об эспрессо – конечно, в этот час дня не капуччино, Боже упаси, а потом, наверное, о сиесте. Я в Италии уже четыре дня и до сих пор живу на кукурузных хлопьях и бутербродах. Что скажете?

Луиджи посмотрел на часы.

– Я знаю хорошее местечко, но давайте еще немного о делах. Вы ведь не говорите по-итальянски?

Джоэл широко раскрыл глаза и шумно вздохнул, изображая отчаяние.

– Нет, у меня не было необходимости учить итальянский, а также французский, немецкий или какой-то другой язык. Я, видите ли, американец, Луиджи. Моя страна больше, чем вся ваша Европа. А в Америке ничего, кроме английского, не требуется.

– Вы не забыли, что вы канадец?

– Хорошо, но мы, как и американцы, существуем сами по себе.

– Моя задача – обеспечить вашу безопасность.

– Спасибо.

- А для этого вам нужно как можно быстрее и как можно лучше овладеть итальянским.
- Понимаю.
- У вас будет учитель, молодой студент по имени Эрманно. Вам придется заниматься с ним по утрам и потом еще во второй половине дня. Это будет совсем не легко.
- И долго?
- Столько, сколько потребуется. Зависит от вас. Будете усердно работать – через три-четыре месяца твердо встанете на ноги.
- Сколько у вас ушло на английский?
- У меня мать американка. Дома мы говорили по-английски, во всех прочих местах – по-итальянски.
- Тут есть элемент жульничества. На каких еще языках вы говорите?
- На испанском, французском и еще на нескольких. Эрманно – превосходный учитель. Классная комната чуть дальше по этой улице.
- Не здесь, в гостинице?
- Нет-нет, Марко. Не забывайте об оставляемых следах. Что подумают посыльные и горничные, если молодой человек будет проводить по нескольку часов в день в вашем номере?
- Господи Боже!
- Горничная начнет подслушивать под дверью и поймет, что у вас урок. И тут же шепнет хозяину гостиницы. Через день-другой все служащие будут знать, что канадский бизнесмен интенсивно изучает язык. По четыре часа в день!
- Вот ужас! А как насчет ленча?

Выходя из гостиницы, Джоэл постарался улыбнуться портье, коридорному и швейцару, не проронив ни слова. Они прошли один квартал в сторону центра Тревизо, площади Деи Синьори, где было полно галерей и кафе. В полдень движение усилилось, потому что все спешили на ленч. На улице похолодало, но Джоэлу в его новом шерстяном пальто было вполне комфортно. Он изо всех сил старался выглядеть итальянцем.

- На воздухе или внутри? – спросил Луиджи.
- Внутри, – сказал Джоэл, и они нырнули в кафе «Бельтрам», расположенное прямо на площади. Кирпичная печь обогревала помещение в передней комнате, а из дальней доносились заманчивые ароматы еды. Луиджи и главный официант говорили о чем-то одновременно, потом засмеялись, и вскоре у переднего окна отыскался свободный столик.
- Нам везет, – сказал Луиджи, когда они снимали пальто и усаживались. – Сегодня специальное блюдо – *faraona con polenta*.
- Что бы это могло быть?
- Цесарка с кукурузной кашей.
- А что еще?

Луиджи изучал одну из черных досок, подвешенных к грубой потолочной балке.

- *Panzerotti di funghi al burro* – пироги с жареными грибами. *Conchiglie con cavalfiori* – цветная капуста, запеченная в тесте. *Spiedino di carne misto alla griglia* – кебаб на вертеле из разных видов мяса.
- Я хочу все, что вы перечислили.
- В этом заведении отличное вино.
- Предпочитаю красное.

В течение нескольких минут кафе заполнили местные жители, которые, складываясь впечатление, хорошо знали друг друга. Веселый человечек в грязном белом фартуке пробежал мимо, замедлив шаг ровно настолько, чтобы встретиться глазами с Джоэлом и выслушать, ничего не записывая, оглашенный Луиджи длинный список того, что они собирались попробовать. Кувшин фирменного вина заведения возник на столике вместе с миской подогретого оливкового масла и тарелкой нарезанного хлеба, и Джоэл сразу же приступил к еде. Луиджи

принялся объяснять тонкости сервировки ленча и завтрака, детали обычаев и традиций, а также ошибки, совершаемые туристами, старающимися выдать себя за настоящих итальянцев. Словом, урок продолжался.

Хотя Джоэл выпил, смакуя, лишь первый стакан вина, алкоголь сразу ударил ему в голову. Приятное тепло охватило все тело. Он на свободе на много лет раньше срока, сидит в простом маленьком кафе итальянского городка, названия которого он прежде не слышал, пьет замечательное местное вино, вдыхая ароматы вкуснейшей еды. Он улыбался Луиджи, прислушиваясь к его объяснениям, но в какой-то момент незаметно для себя отключился и перенесся совсем в другой мир.

Эрманно уверял, что ему двадцать три, но выглядел не более чем на шестнадцать. Высокий, болезненно худой, светловолосый и кареглазый, он был больше похож на немца, чем на итальянца. К тому же он отличался крайней застенчивостью и нервозностью, и это первое впечатление Джоэлу не очень понравилось.

Они встретились с Эрманно в крошечной квартирке на третьем этаже изрядно запущенного дома в шести кварталах от гостиницы Джоэла. В ней были три маленькие комнатки – кухня, спальня и гостиная – почти без мебели, но ведь Эрманно студент, и никакая особая обстановка не предполагалась. Квартира выглядела так, будто он только что в ней поселился или съедет в любую минуту.

Они сели за небольшой столик в центре гостиной. Телевизора не было. В комнате оказалось холодно и довольно сумрачно, и Джоэла не покидало ощущение, что его вывели на тайную тропу, по которой тайком переправляют беженцев. Тепло от длившегося два часа ленча стремительно улетучивалось.

Да и нервозность учителя ничуть не улучшала ситуацию.

Когда Эрманно терял нить разговора, в дело тут же вступал Луиджи и быстро разрешал проблемы. Он предложил проводить занятия по утрам с девяти до одиннадцати, делать перерыв на два часа и возобновлять занятия в час тридцать и далее, пока они не устанут. Эрманно и Джоэл с этим согласились, но Джоэла подмывало задать вопрос: если мой новый приятель – студент, то откуда у него время заниматься со мной целые дни напролет? Но он решил промолчать и вернуться к этому позднее.

Вопросов накапливалось все больше и больше.

Эрманно в конце концов расслабился и описал методику занятий. Пока он говорил медленно, акцент был не очень заметен. Но чуть только он начинал тараторить, его английский вполне можно было принять за итальянский. Один раз Луиджи его прервал:

– Эрманно, мне бы хотелось, чтобы вы хотя бы первые несколько дней говорили как можно медленнее.

– Спасибо, – поддакнул Джоэл, как подобало прилежному ученику.

Щеки Эрманно залились краской, и он еле слышно прошептал:

– Извините.

Он вручил Джоэлу стопку учебных пособий – первую часть учебника и маленький магнитофон с двумя кассетами.

– Пленки повторяют учебник, – медленно произнес он. – Сегодня вы должны выучить первый урок и несколько раз прослушать кассеты. Завтра с этого и начнем.

– Занятия будут крайне интенсивными, – добавил Луиджи строго, как будто учитель и ученик этого сами не понимали.

– Где вы изучали английский? – спросил Джоэл.

– В университете, – сказал Эрманно. – В Болонье.

– Значит, в Соединенных Штатах вы не учились?

– Учился, – сказал Эрманно, бросив тревожный взгляд на Луиджи, словно говорить о годах учения в Штатах было крайне нежелательно. В отличие от Луиджи Эрманно явно не производил впечатления профессионала, потому что на его лице все легко прочитывалось.

– Где? – спросил Джоэл, пробуя, как далеко удастся зайти.

– При университете Фурмана, – сказал Эрманно, – в маленькой школе в Южной Каролине.

– Когда вы там были?

Луиджи откашлялся, готовый прийти на помощь.

– У вас будет сколько угодно времени для подобных разговоров. Самое важное для вас, Марко, – забыть английский. Начиная с этого дня вы живете в мире итальянского языка. Все, к чему вы прикасаетесь, имеет итальянское название. Каждая мысль должна быть переведена. Через неделю сами будете делать заказ в ресторане. Через две недели вы начнете видеть сны по-итальянски. Вам предстоит абсолютное и полное погружение в язык и культуру, и дороги назад у вас нет.

– Мы можем начинать по утрам в восемь? – спросил Джоэл.

Эрманно заерзал и наконец сказал:

– Лучше бы в восемь тридцать.

– Хорошо, я приду в восемь тридцать.

Они вышли и направились назад, к площади Деи Синьори. Началась вторая половина дня, уличное движение заметно поутихло, и тротуары почти опустели. Луиджи остановился у кафе «Траттория дель Монто», кивнул в сторону двери и сказал:

– Мы встретимся здесь в восемь и пойдем обедать, хорошо?

– Хорошо.

– Вы знаете, где ваша гостиница?

– Да, альберго.

– У вас есть карта города?

– Да.

– Хорошо, Марко. Вы предоставлены самому себе. – С этими словами Луиджи нырнул в переулок и исчез. Джоэл какое-то время смотрел ему вслед, затем двинулся на главную площадь.

Он чувствовал себя страшно одиноким. Через четыре дня после отъезда из Радли он наконец остался один и был свободен, быть может, даже не находился под наблюдением, хотя он в этом сомневался. Он сразу же решил побродить по городу, погрузиться в себя, как если бы за ним никто не следил. И еще он решил, делая вид, что разглядывает вещи, выставленные в витрине магазина кожаных изделий, что не собирается до конца дней жить, постоянно оглядываясь назад.

Они его не найдут.

Он бродил, пока не оказался на площади Сан-Вито, маленькой площади, на которой в течение семи веков царствовали две церкви – Санта-Лучия и Сан-Вито. Обе были закрыты, но, согласно прибитой к стене старинной медной табличке, должны распахнуть двери в четыре часа. Какие еще заведения закрыты с полудня до четырех?

Бары были не закрыты, но пусты. Джоэл в конце концов набрался мужества и зашел. Отодвинул стул, попридержал дыхание и, когда бармен оказался поблизости, произнес слово «бирра».

Бармен что-то выпалил в ответ, подождал, и какую-то долю секунды Джоэлу хотелось обратиться в бегство. Но он увидел пивной кран, показал на него, полагая, что его намерения недвусмысленны, и бармен потянулся за пустой кружкой.

Первая кружка пива за шесть лет. Оно оказалось холодным, крепким, необычайно вкусным, и он смаковал каждую каплю. Из дальнего конца бара доносились звуки телевизионной

мыльной оперы. Джоэл время от времени прислушивался, не понимая ни слова, и отчаянно старался убедить себя в том, что способен выучить язык. Когда он подумал уже, что пора встать и пойти в гостиницу, его взгляд упал на окно.

Мимо бара прошествовал Стеннет.

Джоэл попросил принести ему еще одну кружку пива.

Глава 7

Дэн Сендберг, ветеран «Вашингтон пост», постоянно и подробно освещал дело Бэкмана. В 1998 году он первым сообщил о документах высшей степени секретности, без разрешения вынесенных из Пентагона. Последовавшее за этим расследование ФБР обеспечило его работой на целых полгода – он напечатал восемнадцать статей, причем большинство появились на первой полосе газеты. У него были надежные источники в ЦРУ и ФБР. Он знал партнеров Бэкмана по фирме «Бэкман, Пратт и Боллинг» и провел с ними немало времени. Он выуживал информацию в министерстве юстиции. Он присутствовал в суде в тот день, когда Бэкман неожиданно признал себя виновным и исчез.

Год спустя он выпустил первую из двух книг об этом скандале. Книга разошлась внушительным тиражом 24 000 экземпляров в твердом переплете, вторая – вдвое меньшим.

В ходе дела Сендберг завязал очень важные связи. Одна из них превратилась в весьма ценный, хотя и неожиданный источник информации. За месяц до смерти Джейси Хаббарда Карл Пратт, тоже находившийся тогда под следствием, как и большинство старших партнеров фирмы, связался с Сендбергом и договорился о встрече. Всего во время скандала они встречались раз десять и в конце концов стали собутыльниками. По меньшей мере два раза в год они сбегали в укромное место и обменивались сплетнями.

Через три дня после того как стало известно о помиловании, Сендберг позвонил Пратту и договорился о встрече в их излюбленном месте, баре колледжа возле Джорджтаунского университета.

Пратт после многодневного запоя выглядел чудовищно. Он заказал водку, Сендберг ограничился пивом.

– Ну где же ваш приятель? – усмехнулся Сендберг.

– Ясно, что не в тюрьме. – Пратт сделал большой глоток водки и облизнул губы.

– От него ни слова?

– Ни единого. Ни мне, ни другим служащим фирмы.

– Ты бы удивился, если бы он позвонил или заглянул?

– И да и нет. Бэкман приучил нас к сюрпризам. – Еще глоток водки. – Не удивлюсь, если он никогда больше не появится в округе Колумбия. Но если объявится завтра и откроет новую юридическую контору, я тоже не удивлюсь.

– И все же помилование тебя удивило.

– Да, но ведь к этому приложил руку кто-то другой.

– Трудно сказать. – Мимо прошла студентка, и Сендберг окинул ее оценивающим взглядом. Дважды разведенный, он пребывал в состоянии вечной охоты. Он отхлебнул пива и сказал: – Разве его не лишили права заниматься адвокатской практикой? Мне кажется, у него отобрали лицензию.

– Это бы его не остановило. Он открыл бы консалтинговую фирму по связям с правительством или что-то в этом роде. Его специальность – лоббизм, для этого лицензия не требуется. Да половина вашингтонских юристов и дорогу в ближайший суд забыли. Но зато они отлично знают, где находится Капитолийский холм.

– А что скажут его клиенты?

– Они его не дождутся. В Вашингтон Бэкман не вернется. Если ты не разузнал что-то другое.

– Я ничего не узнал. Он исчез. В тюрьме все отказываются говорить. Мне слова не удалось выудить из людей, связанных с пенитенциарной системой.

– И какова же твоя гипотеза? – спросил Пратт, допил водку и явно был готов попросить еще.

– Сегодня я узнал, что девятнадцатого января в самом конце дня Белый дом посетил Тедди Мейнард. Только он и мог выудить помилование из Моргана. Бэкман вышел из тюрьмы, по-видимому, под охраной и исчез.

– Программа защиты свидетелей?

– Что-то в этом роде. ЦРУ и раньше припрятывало людей. Управлению приходится это делать время от времени. Ни в каких бухгалтериях ничего не значит, но деньги на такие дела там есть.

– Зачем им прятать Бэкмана?

– Из мести. Помнишь Олдрича Эймса, самого крупного «крота» иностранной разведки в истории ЦРУ?

– Конечно.

– Теперь он надежно спрятан в федеральной тюрьме. Разве ты не знаешь, что ЦРУ охотно попробовало бы воздействовать на него. Но они не могут, потому что это противозаконно – нельзя брать на мушку американского гражданина ни здесь, ни за границей.

– Бэкман не был их «кротом». Черт возьми, да он просто ненавидел Тедди Мейнарда, и это чувство было взаимным!

– Мейнард не станет его убивать. Он наверняка устроит так, чтобы это удовольствие получил кто-то другой.

Пратт не выдержал и встал.

– Хочешь еще? – спросил он, указывая на почти пустую кружку пива.

– Быть может, чуть погодя. – Сендберг отпил еще глоток. Пратт вернулся к столику с двойной порцией водки, сел и сказал:

– Значит, ты полагаешь, что дни Бэкмана сочтены?

– Ты спросил, какова моя версия. А какая твоя?

Солидный глоток водки.

– Результат тот же, но достигается другим способом. – Пратт зачем-то окунул палец в водку, как бы размешал ее, затем сунул палец в рот, облизал его и задумался. – Не для печати, ладно?

– Разумеется. – О чем только они ни говорили в последние годы, и, разумеется, это не предназначалось для печати.

– Восемь дней со смерти Хаббарда до признания Бэкмана. Время было очень страшное. Кима Боллинга и меня, куда бы мы ни пошли, круглосуточно охраняли агенты ФБР. Вообще-то это очень странно. ФБР изо всех сил старалось упечь нас за решетку и в то же время считало необходимым охранять. – Еще глоток. Он оглянулся, желая убедиться, что их не подслушивают. Никто не подслушивал. – Были угрозы, очень серьезные действия тех самых людей, что убили Джейси Хаббарда. ФБР нас опрашивало позже, через несколько месяцев после заключения Бэкмана в тюрьму, когда страсти уже поутихли. Мы почувствовали себя несколько спокойнее, но и я, и Боллинг еще два года оплачивали вооруженную охрану. Я до сих пор за рулем все время смотрю в зеркало заднего вида. А бедняга Ким тронулся.

– Кто вам угрожал?

– Те же люди, что хотели бы разыскать Джоэла Бэкмана.

– Кто именно?

– Бэкман и Хаббард заключили сделку на продажу своего продукта саудовцам за несущественные деньги. За очень большие деньги, но все же дешевле, чем обошлась бы саудовцам собственная спутниковая система. Сделка сорвалась. Хаббарда убили. Бэкман поспешил укрыться в тюрьме, и арабов это ничуть не обрадовало. А также и израильтян, потому что те тоже рвались заключить сделку. Они прямо взбесились, узнав, что Хаббард и Бэкман имеют дело с саудовцами. – Он замолчал, отпил глоток, словно ему надо было подкрепиться, чтобы закончить рассказ. – Не забывай еще и тех ребят, что придумали эту хитрую систему.

– А русские?

– По-видимому, они не имеют к этому отношения. Джейси Хаббард обожал азиатских девочек. В последний раз его видели в баре в обществе роскошного длинноногого создания с длинными черными волосами и круглым личиком – откуда-то с обратной стороны нашего шарика. Красный Китай держит в США уйму людей для сбора информации. Китайские студенты американских университетов, бизнесмены, дипломаты – здесь кишат китайцы, вынюхивающие, что происходит. Их разведслужба может похвастать необычайно эффективными агентами. Ради такого дела они не колеблясь убрали бы Хаббарда и Бэкмана.

– Ты уверен, что это китайцы?

– Я ни в чем не уверен. Бэкман, быть может, знает, но он никому ничего не сказал. Имей в виду: ЦРУ даже не подозревало о существовании этой спутниковой системы. Их захватили врасплох, что называется, со спущенными штанами, и старик Тедди отчаянно пытается наверстать упущенное.

– Забавы старого Тедди?

– Вот именно. Он задурил Моргану голову разговорами о национальной безопасности. Морган, разумеется, клюнул. Бэкман выходит на свободу. Тедди вывозит его из страны, а затем наблюдает, кто объявится с пистолетом. Для Тедди это беспроигрышная игра.

– Блестяще.

– Это еще мягко сказано, Дэн. Ты только подумай. Когда Джоэл Бэкман встретится с Создателем, об этом никто не узнает. Никто и понятия не имеет, где он сейчас. И, когда найдут его тело, никто не будет знать, кто это такой.

– Если его найдут.

– Вот именно.

– А Бэкман это понимает?

Пратт осушил второй стакан, вытер рот рукавом и усмехнулся:

– Бэкман кто угодно, только не дурак. Но многое из того, что нам известно, всплыло на свет после суда. Он прожил в тюрьме шесть лет и, наверное, думает, что как-нибудь выживет.

Криц заглянул в паб неподалеку от отеля «Коннот» в Лондоне. Легкий дождик усилился, и ему надо было обсохнуть. Миссис Криц осталась в квартирке, которую им предоставил новый наниматель, поэтому Криц мог позволить себе роскошь посидеть в переполненном пабе, где его никто не знает, и пропустить пару пинт пива. Он уже неделю в Лондоне, и оставалась еще неделя до того дня, когда ему предстояло пересечь Атлантику и вернуться в Вашингтон, а там приняться за жалкое занятие лоббирования в пользу компании, которая среди прочего поставляет Пентагону дефектные ракеты, но военные их все равно покупают, потому что на службе компании состоят правильные лоббисты.

Он нашел пустую кабинку, которую удалось кое-как разглядеть за облаком табачного дыма, забрался туда и придвинул к себе кружку. Как приятно посидеть одному, не думая о том, что сейчас его кто-то заметит, подойдет и скажет: «Эй, Криц, что ты и другие болваны думаете, допустив вето Бермана?» – а далее последует вся эта неизбежная политическая болтовня.

Он слушал приветствия англичан, здоровавшихся с соседями и прощавшихся с ними перед уходом, и не обращал внимания на табачный дым. Он был один, никому не известен, ни с кем не знаком и наслаждался этим прилюдным уединением.

Но анонимность Крица оказалась мнимой. Откуда-то возник маленький человечек в мятой матросской шапочке, уселся в его кабинке и уставился на него.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь, мистер Криц? – спросил моряк, в улыбке обнажая крупные желтые зубы. Человека с такими омерзительными зубами он бы запомнил.

– Садитесь, – вяло процедил Криц. – Имя у вас есть?

– Бен. – Моряк явно не был британцем, а английский – его родным языком. Лет тридцать, темные волосы и длинный острый нос делали его похожим на грека.

– Фамилии у вас, разумеется, нет? – Криц отпил глоток пива. – Откуда вам известно, как меня зовут?

– Я знаю о вас все.

– Разве я так известен?

– Известностью я бы это не назвал, мистер Криц. Буду краток. Я работаю на людей, которым очень нужно найти Джоэла Бэкмана. Они хорошо заплатят, наличными. Сумка с деньгами, счет в швейцарском банке – как вам будет угодно. Все можно сделать очень быстро, за несколько часов. Вы скажете нам, где он, получите миллион баксов, и никто знать об этом не будет.

– Как вы меня нашли?

– Очень просто, мистер Криц. Мы, чтоб вы знали, профессионалы.

– Шпионы?

– Какая разница? Мы те, кто мы есть, и нам нужно найти Бэкмана. Вопрос в том, хотите ли вы получить миллион баксов?

– Я не знаю, где он.

– Но можете узнать.

– Вероятно.

– Условия принимаете?

– Не за миллион баксов.

– Сколько?

– Я должен подумать.

– Тогда думайте побыстрее.

– А если я не сумею получить информацию?

– Тогда мы больше не увидимся. Этой встречи не было. Все очень просто.

Криц отхлебнул пива и задумался.

– Хорошо, допустим, я могу получить нужную информацию, хотя не вполне в этом уверен. Итак, что, если я ее получу? Что будет дальше?

– Купите билет первого класса на самолет «Люфтганзы» из Далласа в Амстердам. Остановитесь в отеле «Амстел» на Бидденхам-стрит. Мы вас найдем – точно так же, как нашли здесь.

Криц мысленно повторил сказанное, чтобы слова отпечатались в памяти.

– Когда? – спросил он.

– Чем быстрее, тем лучше, мистер Криц. Его ищем не только мы.

Бен исчез столь же стремительно, как и появился. Криц вглядывался в облако табачного дыма и спрашивал себя, не привиделось ли ему все это. Час спустя он вышел из паба, стараясь спрятать лицо под зонтиком. Он был уверен, что за ним следят.

Будут ли следить за ним и в Вашингтоне? Закралось тревожащее чувство, что обязательно будут.

Глава 8

Сиеста не удалась. Не помогли ни вино за ленчем, ни пиво, выпитое днем. Просто слишком многое надо было обдумать.

Помимо всего прочего, он слишком долго отдыхал, в его жизненных системах накопилось слишком много сна. Шесть лет в одиночном заключении низводят человеческий организм до такого пассивного состояния, что сон становится едва ли не основным видом жизнедеятельности. После первых месяцев в Радли Джоэл спал восемь часов ночью и еще немало после ленча, и это было вполне объяснимо – он так мало отдыхал предыдущие двадцать лет, когда днем держал руку на пульсе государства, а до рассвета гонялся за юбками. Через год он спал по девять или даже десять часов в сутки. Чем еще было заняться, кроме чтения и телевизора? Однажды он от скуки провел исследование – один из многих затеянных им потайных опросов путем передачи листка бумаги из камеры в камеру, пока охрана подремывала, и из тридцати семи респондентов его блока почти все спали по одиннадцать часов. Мо, стукач-мафиози, ответил, что спит по шестнадцать часов, хотя его храп можно было услышать и в полдень. Сумасшедший Буйвол Миллер назвал самую маленькую цифру – всего три часа, но бедняга давно лишился рассудка, и Джоэл не принял его ответ во внимание.

Бывали и долгие приступы бессонницы, бесконечное изучение потолка темной камеры и мысли о допущенных ошибках, о детях и внуках, о прошлых унижениях и страхе перед будущим. Иногда несколько недель подряд ему ежедневно давали по таблетке снотворного, но оно не действовало. Джоэл был уверен, что это таблетки-пустышки.

Но все же за шесть лет накопилось слишком много сна. Теперь он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. И только мозг его работал сверхурочно.

Он медленно вылез из постели, где в течение часа не сомкнул глаз, и прошлепал к столу, на котором Луиджи оставил ему мобильный телефон. Он подошел с ним к окну, набрал номер, листок с которым был приклеен скотчем к крышке, и после четвертого сигнала услышал знакомый голос.

- Чао, Марко. Come stai?
- Проверяю, работает ли эта штукавина, – сказал Джоэл.
- Вы подумали, что я всучил вам дефектный телефон? – спросил Луиджи.
- Нет, конечно же, нет.
- Как поспали?
- О, просто замечательно. Встретимся за обедом.
- Чао.

Где находится Луиджи? Шныряет поблизости с мобильником в кармане, ожидая его звонка? Следит за его гостиницей? Если Стеннет и водитель все еще в Тревизо, то вместе с Луиджи и Эрманно получается уже четверо «дружков», агентов той или иной службы, призванных не спускать глаз с Джоэла Бэкмана.

Сжимая трубку в руке, он задумался о том, кто еще знает о его звонке. Кто прослушивает? Он посмотрел в окно – может быть, кто-то следит за гостиницей? Или только Луиджи?

Джоэл выкинул эти мысли из головы и сел за стол. Ему хотелось кофе, предпочтительно двойной эспрессо, чтобы чуточку взбодриться, и уж, конечно, не капуччино в этот час дня, но он не мог собраться с духом, чтобы поднять телефонную трубку и заказать кофе в номер. Он как-нибудь справился бы с «хелло» и «кофе», но в ответ посыпятся слова, которых он пока не знает.

Как может человек жить без крепкого кофе? Любимая секретарша когда-то подавала ему ровно в шесть тридцать каждое утро шесть дней в неделю первую чашечку бодрящего кофе по-турецки; он едва не женился на ней. В десять утра Брокер приходил в такое возбуждение,

что начинал швырять чем попало в сотрудников и кричать на них, делая по три звонка одновременно и заставляя сенаторов ждать на другом конце провода.

Картинки прошлого не доставили ему удовольствия. Впрочем, так было всегда. Воспоминания накатывались беспрерывно, и все шесть лет в тюрьме он вел с ними отчаянную борьбу, пытаясь освободить память от этого груза.

Теперь он не решился заказать кофе из-за незнания языка. Надо же, а ведь раньше Джоэл Бэкман никогда ничего не боялся. Хотя если ему удавалось отслеживать три сотни законопроектов, движущихся в лабиринтах конгресса, делать сотню телефонных звонков в день, не заглядывая в «Ролодекс» или телефонную книгу, то он, разумеется, сможет запомнить десяток итальянских слов, чтобы заказывать кофе. Он аккуратно разложил на столе учебные материалы, которые вручил ему Эрманно, просмотрел аннотацию. Проверил батарейки маленького магнитофона, кассеты с пленками. Первая страница урока представляла собой довольно грубой цветной рисунок семейной гостиной, где мама, папа и дети смотрят телевизор. Рисунки подписаны по-английски и по-итальянски – дверь и porta, диван и sofà, окно и finestra, картина и quadro и так далее. Мальчик – ragazzo, мать – madre, старик, опирающийся на палку в углу, оказался дедушкой, или il nonno.

Через несколько страниц пришел черед кухни, затем спальни и ванной. Через час, так и не выпив кофе, Джоэл принялся прогуливаться по комнате, указывая на предметы и произнося их названия по-итальянски: кровать – letto, лампа – lampada, часы – orologio, мыло – sapone. Было предложено несколько глаголов: говорить – parlare, есть – mangiare, пить – bere, думать – pensare. Стоя у маленького зеркала (specchio) в ванной (bagno), он попытался убедить себя в том, что он на самом деле Марко.

– Sono Marco, sono Marco, – повторял он. – Я Марко. Я Марко.

Сначала все это казалось ему очень глупым, но он выбросил эту мысль из головы. Ставки слишком высоки, чтобы цепляться за старое имя, из-за которого его могут убить. Если, превратившись в Марко, он спасет свою шею, то пусть будет Марко.

Марко. Марко. Марко.

Он начал искать слова, которых не было на рисунках. В своем новом словарики он нашел carta igienica – туалетную бумагу, guanciale – подушку, soffitto – потолок. Все имело новое имя, каждый предмет в комнате, в его личном маленьком мире, все, что он в этот момент видел, становилось чем-то новым. Снова и снова его глаза перескакивали со строчки на строчку, и он произносил новое итальянское слово.

А то, что относится к нему лично? У него есть мозг – cervello. Он дотронулся до руки – mano или braccio, ноги – gamba. Он должен дышать – respirare, видеть – vedere, прикоснуться – toccare, слышать – sentire, спать – dormire, видеть сны – sognare. Но он отклоняется от главного, подумал он. Завтра Эрманно начнет с первого урока, первого набора слов, уделяя главное внимание простейшим элементам: приветствиям, вежливым оборотам речи, числам от одного до ста, дням недели, месяцам года и даже элементарному алфавиту. Глаголы быть (essere) и иметь (avere) спрягались в настоящем, простом прошедшем и будущем временах.

Когда пришло время обеда, Марко выучил весь первый урок и прослушал его раз десять. Он вышел на улицу – вечер выдался весьма прохладный – и в радостном настроении зашагал в направлении «Траттория дель Монте», где Луиджи должен его ждать за лучшим столиком с необыкновенными вариантами обеденного меню. Он шел, слегка покачиваясь после нескольких часов зубрежки, перед его глазами промелькнули мопед, велосипед, собака, девочки-двойняшки, и его пронзила жестокая реальность того, что он не знает ни одного из этих слов своего нового языка.

Все это осталось в словарики в гостиничном номере.

В предвкушении вкусной еды он неуклонно приближался к цели, по-прежнему уверенный в том, что он, Марко, вполне способен превратиться в достойного итальянца. Увидев за столиком Луиджи, он радостно приветствовал его:

- Buona sera, signore, come sta?⁵
- Sto bene, grazie, e tu?⁶ – ответил тот, с одобрением улыбаясь.
- Molto bene, grazie⁷, – сказал Марко.
- Значит, вы занимались? – спросил Луиджи.
- А что мне оставалось делать?

Марко еще не успел развернуть салфетку, как у столика появился официант с оплетенной соломой бутылкой местного красного. Он быстро наполнил бокалы и исчез.

- Эрманно – замечательный учитель, – сказал Луиджи.
- Вы и раньше прибегали к его услугам? – как бы невзначай спросил Марко.
- Да.
- И часто доставляют таких, вроде меня, чтобы превратить в итальянцев?

Луиджи улыбнулся:

- Время от времени.
- Что-то не верится.
- Верьте во что хотите, Марко. Все вокруг – сплошной вымысел.
- Вы говорите, как шпион.

Пожатие плечами, но не ответ.

– На кого вы работаете, Луиджи?

– А вы как думаете?

– В алфавите много всяких букв – ЦРУ, ФБР, АНБ. Или какой-нибудь отдел военной разведки.

– Вам нравится встречаться со мной в этих милых рестораничках? – спросил Луиджи.

– Разве у меня есть выбор?

– Конечно. Если вы будете настаивать на этих своих вопросах, мы перестанем встречаться. А когда мы перестанем встречаться, ваша жизнь, и без того хрупкая, не будет стоить и ломаного гроша.

– Мне казалось, что ваша задача – видеть меня живым и здоровым.

– Верно. Поэтому прекратите задавать личные вопросы. Уверяю вас, они останутся без ответа.

Официант словно по волшебству появился в нужный момент и положил между ними две большие папки меню, решительно направив разговор посетителей в другое русло. Марко поморщился, увидев список блюд, и это снова напомнило, сколько ему еще предстоит пройти по пути изучения языка. В самом низу он узнал слова *caffè, vino, birra*.

– Что нам заказать? – спросил он.

– Шеф-повар из Сиены, поэтому он отдает предпочтение тосканским блюдам. *Risotto porcini*⁸ – для начала ничего нет лучше. Я пробовал здесь бифштекс по-флорентийски, это потрясающе.

Марко закрыл меню и глубоко вдохнул ароматы кухни.

– Я возьму и то и другое.

Луиджи тоже захлопнул меню и помахал рукой официанту. Сделав заказ, они несколько минут молча потягивали вино.

---

⁵ Добрый вечер, синьор, как дела? (*ит.*)

⁶ Хорошо, спасибо, а вы? (*ит.*)

⁷ Очень хорошо, спасибо (*ит.*).

⁸ Белые грибы (*ит.*).

– Несколько лет назад, – заговорил Луиджи, – я как-то проснулся утром в маленьком гостиничном номере в Стамбуле. Я был один, в кармане у меня лежали пятьсот долларов и фальшивый паспорт. Я не знал ни слова по-турецки. Мой куратор находился в этом же городе, но, если бы я установил с ним контакт, мне пришлось бы искать другую работу. Ровно через десять месяцев мне следовало вернуться в тот же отель, чтобы встретиться с другом, который должен был вывезти меня из страны.

– На мой взгляд, это рутинная подготовка агента ЦРУ.

– Ошибочка с буквами, – сказал Луиджи, отпил глоток и продолжил: – Я большой любитель поесть, потому и постиг искусство выживания. Я выпитывал в себя язык, культуру, все, что меня окружало. Я весьма преуспел, вписался в обстановку и через десять месяцев встретил своего друга, имея в кармане больше тысячи долларов.

– Итальянский, английский, французский, испанский, турецкий – какие еще?

– Русский. Они как-то на год бросили меня в Сталинграде⁹.

Марко едва не спросил, кто такие *они*, но решил этого не делать. Ответа все равно не будет, да к тому же ему казалось, что он знает ответ.

– Выходит, меня здесь бросили? – спросил он.

Официант поставил на стол корзинку с разными сортами хлеба и маленькую мисочку оливкового масла. Луиджи начал макать хлеб в масло и жевать, и вопрос был то ли забыт, то ли проигнорирован. Последовало новое блюдо, маленькая тарелка с ветчиной и салями с оливками, и разговор забуксовал. Луиджи – разведчик или контрразведчик, или оперативный работник, или агент той или иной породы, или просто инструктор, или связной, а может быть, и внештатный сотрудник из местных, но прежде и превыше всего он итальянец. Никакая профессиональная подготовка не могла отвлечь его внимание от первоочередной задачи – накрытого стола.

Во время еды он сменил тему разговора и рассказывал о строгих правилах настоящего итальянского обеда. Сначала *antipasti*, закуски, – обычно это тарелка с разными сортами мяса, такая и стояла у них на столе. Затем первое блюдо, *primi*, – как правило, это внушительная порция макарон, риса, суп, или *polenta*, назначение которого в том, чтобы слегка подразмять желудок перед главным блюдом, *secondi*, – чаще всего это изрядное количество говядины, свинины, рыбы, цыплят или барашка. Будьте осторожны с десертом, зловеще предупредил Луиджи, оглянувшись, чтобы убедиться, что официант не слышит. Он печально покачал головой, объясняя, что многие, даже хорошие, рестораны закупают кондитерские изделия на стороне, а не пекут сами, и они переслащены и настолько пропитаны дешевыми ликерами, что становятся смертельно опасными для зубов.

Марко всем своим видом показал, что потрясен этим национальным скандалом.

– Выучите слово *gelato*, – сказал Луиджи, и глаза его вновь заблестели.

– Мороженое, – сказал Марко.

– Браво. Лучшее в мире. Чуть дальше по улице есть *gelateria*. Мы пойдем туда после обеда.

Еду в номер подавали до полуночи. В 23.55 Марко медленно поднял телефонную трубку и дважды нажал кнопку 4. Шумно сглотнул и задержал дыхание. Он в течение тридцати минут репетировал предстоящий разговор.

После нескольких безнадежных гудков, когда уже хотел положить трубку на рычаг, он услышал сонный голос:

– *Buona sera*¹⁰.

---

⁹ Так у автора.

¹⁰ Добрый вечер (*ит.*).

Марко зажмурился и решился.

– Buona sera. Vorrei un caffè, per favore. Un espresso doppio.

– Sì, latte e zucchero?

– No, senza latte e zucchero.

– Sì, cinque minuti¹¹.

– Grazie. – Марко быстро положил трубку во избежание дальнейших расспросов, хотя, учитывая вялый голос на другом конце провода, он сильно сомневался в том, что расспросы последуют. Он вскочил на ноги, выбросил вверх сжатую в кулак руку и стукнул себя по плечу в знак успешного завершения первого разговора по-итальянски. Никаких затруднений. Обе стороны хорошо поняли друг друга.

В час ночи он все еще смаковал двойной эспрессо, хотя кофе остыл и в комнате было прохладно. Он находился в середине третьего урока, ко сну его совсем не клонило, и он подумывал, не вы зубрить ли весь учебник к первой встрече с Эрманно.

Он постучал в его квартиру на десять минут раньше условленного времени. Это был пробный шар. Хотя он внутренне этому противился, все же импульсивно вернулся к привычному образу действий. На десять минут раньше или на двадцать минут позже – не столь уж важно. Ожидая в безликом коридоре, он вдруг вспомнил встречу на высоком уровне, которую устраивал в громадном конференц-зале. Зал был полон руководителями корпораций и начальством ряда федеральных агентств – всех их пригласил Брокер. Хотя конференц-зал находился в полусотне шагов по коридору от его кабинета, он явился с опозданием на двадцать минут, извинился и объяснил, что его задержал телефонный разговор с премьер-министром какой-то небольшой страны.

Мелкие, жалкие, неприличные игры, в которые он играл.

На Эрманно его ранний приход, похоже, не произвел впечатления. Он заставил ученика прождать пять минут, прежде чем с застенчивой улыбкой открыл дверь.

– Buon giorno, signor Lazzeri.

– Buon giorno, Ermanno. Come stai?

– Molto bene, grazie, e tu?

– Molto bene, grazie.

Эрманно распахнул дверь и широким жестом предложил ученику войти:

– Prego.

Марко вошел и снова был поражен тем, что квартира почти пуста и похожа на временное пристанище. Он положил учебник на маленький столик в центре комнаты, а пальто решил не снимать. Температура на улице была градусов двенадцать, и в квартирке было ненамного теплее.

– Vorrebbe un caffè? – спросил Эрманно. – Хотите кофе?

– Sì, grazie. – Он спал часа два, от четырех до шести, затем принял душ, оделся и прошелся по улицам Тревизо. Ему удалось найти открытый в такую рань бар, где собирались джентльмены, пили эспрессо и говорили все одновременно. Марко хотелось еще и еще кофе, но вдруг сильно захотелось чего-нибудь пожевать. Рогалик, сдобную булочку или чего-то в этом роде, но он еще пока не знал, как они называются. Он решил, что потерпит голод до полудня, когда они снова встретятся с Луиджи и совершат новый набег на итальянскую кухню.

– Вы ведь студент? – спросил он, когда Эрманно вернулся из кухни с двумя маленькими чашками кофе.

---

¹¹ – Добрый вечер. Кофе, пожалуйста. Двойной эспрессо (*ит.*)– С молоком и сахаром?– Нет, без молока и сахара (*ит.*)– Хорошо, через пять минут (*ит.*)

– Non inglese, Marco, non inglese¹².

Так пришел конец английскому. Внезапное, жестокое, окончательное прощание с родным языком. Эрманно устроился с одной стороны столика, Марко – с другой и ровно в восемь тридцать они вместе обратились к первой странице первого урока. Марко прочитал вслух первый диалог на итальянском, Эрманно мягко его поправлял, хотя подготовка ученика к уроку явно произвела на него впечатление. Он хорошо запомнил слова, хотя произношение оставляло желать лучшего. Спустя час Эрманно начал указывать на различные предметы в комнате – ковер, книга, журнал, стул, одеяло, занавески, радиоприемник, пол, стена, рюкзак, – и Марко с легкостью их называл. С заметно улучшившимся произношением он выпалил весь перечень вежливых выражений – добрый день, как вы поживаете, спасибо – хорошо, пожалуйста, до встречи, до свидания, доброй ночи – и еще десятка три других. Точно так же он без запинки назвал дни недели и месяцы года. Через два часа первый урок был пройден и усвоен, и Эрманно спросил, хочет ли ученик сделать перерыв. Нет. Они перешли ко второму уроку, новому словарю длиной в страницу, который Марко уже выучил, и новому диалогу, который Марко прочитал вполне прилично.

– Вижу, вы готовились, – сказал Эрманно по-английски.

– Non inglese, Ermanno, non inglese, – поправил его Марко.

Соревнование продолжалось – кто проявит больше выдержки. К полудню учитель выбился из сил и попросил сделать перерыв. Оба вздохнули с облегчением, услышав стук в дверь и голос Луиджи в коридоре. Он вошел и увидел обоих за маленьким, заваленным бумагами столиком. Выглядели они так, будто в течение нескольких часов занимались вольной борьбой.

– Come va? – спросил Луиджи. – Как идут дела?

Эрманно устало посмотрел на него и сказал:

– Molto intenso. – Очень интенсивно.

– Vorrei pranzare, – заявил Марко, вставая. – Я бы не отказался от ленча.

Марко надеялся, что во время приятного ленча они для передышки хоть на пару минут перейдут на английский, что избавит его от необходимости все время напрягаться и переводить каждое услышанное слово. Но после восторженного описания учителем их утреннего урока Луиджи почувствовал вдохновение продолжить погружение в названия блюд, хотя бы некоторых. В меню не было ни единого английского слова, и после того как Луиджи представил несколько блюд на непонятном итальянском, Марко поднял вверх руки и капитулировал:

---

¹² Не по-английски, Марко, не по-английски (*um.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.